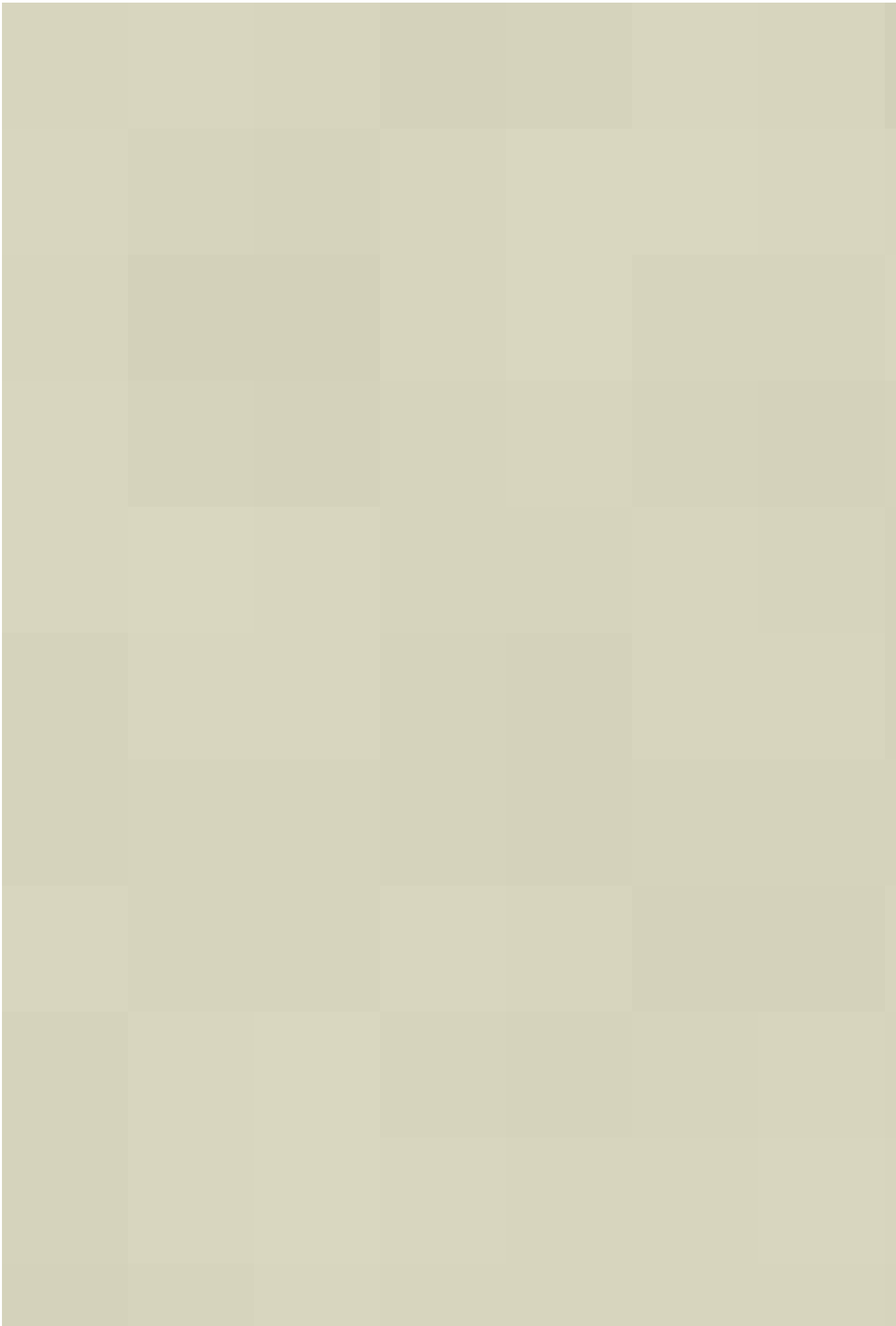

Найо Марш
Смерть в экстазе
Серия «Золотой век английского детектива»
Серия «Родерик Аллейн»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13135876
Марш, Найо. Смерть в экстазе ; Убийство в стиле винтаж : [сборник] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-094557-3

Аннотация

В маленькой деревенской церкви происходит убийство. Погибает юная Кара Куэйн. Кому она могла перейти дорогу?.. Под подозрением оказываются сразу восемь человек, присутствовавших в то время в церкви. И чтобы найти виновного, инспектор Аллейн должен выяснить, что послужило причиной убийства: ревность, зависть или, может быть, деньги?

Содержание

Предисловие	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Найо Марш

Смерть в экстазе

Ngaio Marsh

DEATH IN ECSTASY

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency

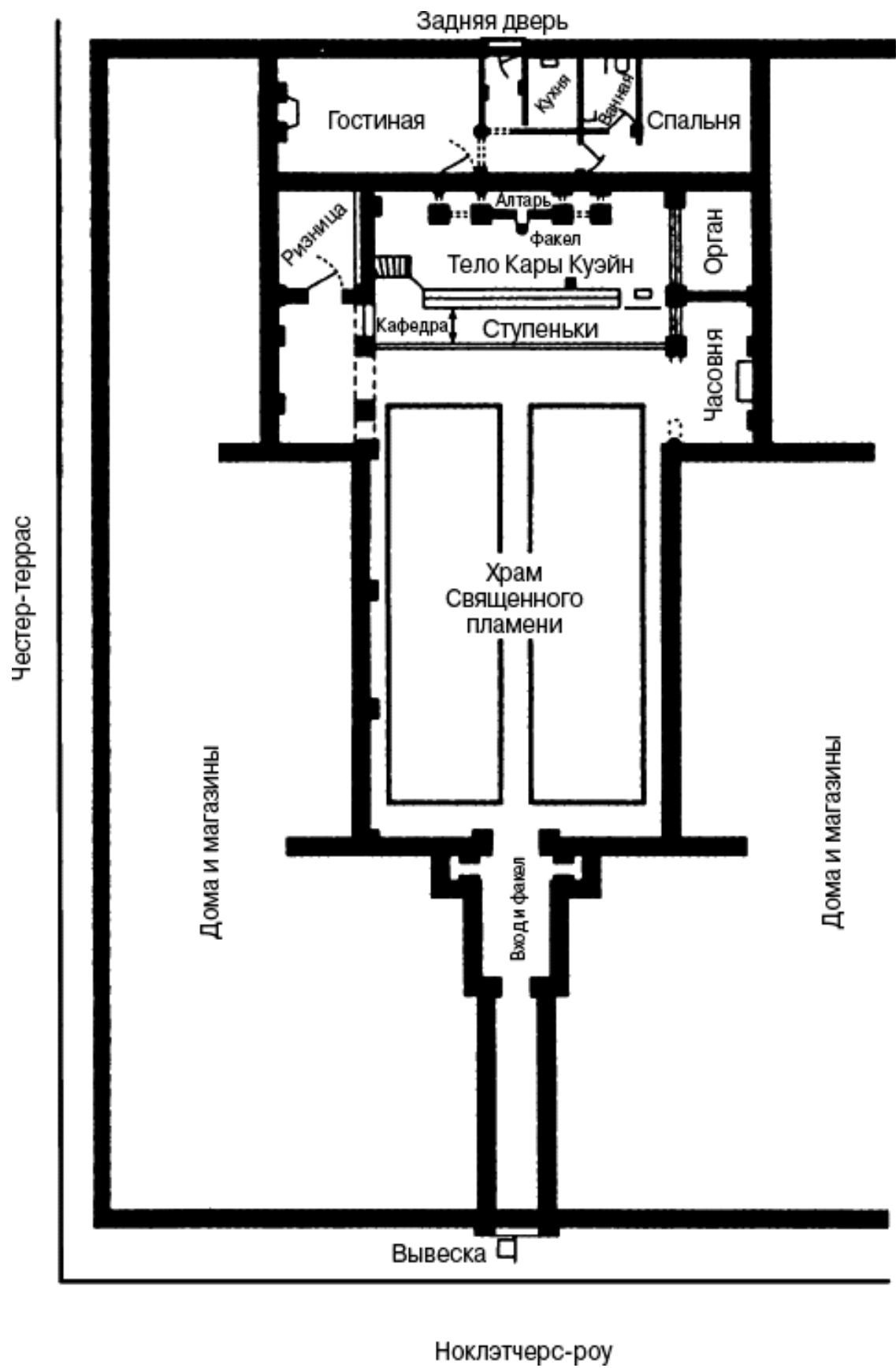
© Перевод. Соколов В.Н., 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Спешу заверить, что любое сходство Храма Священного пламени с какой-либо из существующих ныне церковей или общественных организаций – чистая случайность. Служители и прихожане этой церкви вымышлены, так же как и улица Ноклэтчерс-роу, на которой расположен Храм. Насколько мне известно, ничего подобного нет ни в одной из известных мне частей света.

Я выражаю свою благодарность Робину Пейджу за его консультации по поводу цианистого натрия; Гаю Коттерилу – за придуманный им план Храма; и Робину Адамсону – за дружескую изобретательность в составлении домашних ядов.

Действующие лица:

Джаспер Гарнетт, священник в Храме Священного пламени

Семь посвященных:

Сэмюэль Дж. Огден, церковный староста. Торговец

Рауль де Равиньи, церковный староста. Дилетант

Кара Куэйн, Избранный сосуд

Морис Прингл, жених Джейни Дженкинс

Джейни Дженкинс, младшая из адептов

Эрнестина Уэйд, старшая из адептов (вероятно)

Дагмар Кэндур, вдова

Клод Уитли, причетник

Лайонел Смит, причетник

Доктор Николас Касбек, свидетель

Привратник Храма

Эдит Лора Хебборн, старая няня Кары Куэйн

Уилсон, горничная Кары Куэйн

Мистер Раттисбон, адвокат Кары Куэйн

Элси, домработница мистера Огдена

Родерик Аллейн, старший инспектор Скотленд-Ярда

Инспектор Фокс, его помощник

Сержант Бэйли, его дактилоскопист

Доктор Кертис, его окружной врач

Найджел Басгейт, его Ватсон

Часть I

Глава 1 Тупик

В хмурый воскресный вечер на исходе декабря, когда на улице хлестал ливень, в Храме Священного пламени на Ноклэтчерс-роу состоялось необычное собрание.

В Лондоне всегда хватает доморощенных култов и сомнительных церквей. Привычная скука воскресных улочек – только маска, под которой бьется лихорадочный пульс религиозной жизни. За фасадами серых зданий, попискивая, словно мыши за стеной, копошатся самые невероятные секты и общины.

Возможно, главный смысл этих благочестивых развлечений в том, чтобы добавить тусклым будням побольше яркости и острых впечатлений. В более простодушные времена для тех же целей устраивались оргии. Иначе как объяснить тот факт, что в подобных собраниях участвует столь разнообразное и изысканное общество?

Что, например, заставило мисс Уэйд упрямо шагать по Кингс-роуд, несмотря на дождь и свирепый ветер, который срывал с магазинов вывески и грозил заехать ей в лицо ее собственным зонтом? А ведь она могла прекрасно провести время в гостинной, сидя с книгой у теплого камина.

А что принудило мистера Сэмюэля Дж. Огдена облачиться в неудобную одежду, покинуть свой дом на Йорк-сквер, усесться в холодное такси и два часа оставаться без сигары?

Ради чего Кара Куэйн променяла свой уютный домик на Шеперд-маркет на мокрую брусчатку и пустынную площадь Пиккадилли?

Какие соблазны могли отвлечь месье де Равиньи от его Ван Гога и строгой холостяцкой квартиры на Лаундес-сквер?

Если бы всем этим людям задали подобные вопросы, каждый из них на свой лад и по своим причинам солгал бы. Скорее всего, они принялись бы уверять, что посещать Храм Священного пламени – это их долг. Месье де Равиньи никогда бы не рассказал, что приходит туда только от безумной любви к Каре Куэйн; а Кара Куэйн – что находит там выход своей непреодолимой тяги к эксгибиционизму. Мисс Уэйд скорее бы умерла, чем призналась, что поклоняется вовсе не Господу Богу, а преподобному Джасперу Гарнетту. Что касается мистера Огдена, он бы тут же пустился в длинные рассуждения на душещипательные темы, пестрившие такими словечками, как «возрождение», «обновление» и «духовный подъем».

Машина Кары Куэйн, такси мистера Огдена и галоши мисс Уэйд одновременно свернули на Ноклэтчерс-роу.

Ноклэтчерс-роу – это тупиковая улочка, отходящая от Честер-террас недалеко от Грэм-стрит. Так же как и Грэм-стрит, она примечательна своей церквушкой. Впрочем, в этот декабрьский вечер ее силуэт почти полностью сливался с темнотой. Только преданные прихожане и несколько их друзей знали о ее существовании. Старший инспектор Аллейн никогда о ней не слышал. Найджел Басгейт, уныло смотревший в окно квартиры на Честер-террас, только сегодня заметил ее вывеску. Это был небольшой знак из красного стекла, сделанный в форме вившегося над чашей язычка пламени. Ветер качнул вывеску, и блики света скользнули по ее краям. Найджел заметил красную вспышку и в то же время увидел мисс Уэйд, торопившуюся к дверям храма. Потом появились автомобиль и такси, откуда по очереди выбрались мисс Куэйн и мистер Огден. Еще три фигуры, склонив головы и блестя мокрыми плащами, появились в переулке. Найджелу было скучно. Он страдал ненастным

любопытством газетного писаки. Поддавшись внезапному порыву, он нахлобучил шляпу, схватил зонтик и бросился на улицу под дождь. В этот момент инспектор Аллейн, сидевший у себя в комнате на Сент-Джеймс-стрит, оторвался от книги и заметил слуге: «На улице ужасный ливень. Сегодня я останусь дома».

Глава 2

Храм Священного пламени

Мощный порыв ветра на Честер-террас ударил Найджела в плечо. Тот покачнулся и отпрыгнул в сторону, словно норовистый жеребец. Вода струями лилась с его зонта, под ногами лоснилась мокрая брусчатка. Он почувствовал привкус приключения и похвалил себя за то, что поддался импульсу и выбрался на улицу в такую скверную погоду. Вид Нокл-этчерс-роу ему нравился. Казалось, само ее название обещало какую-то романтическую авантюру. Кто знает, думал Найджел с надеждой, не вяжется ли он в какую-нибудь рискованную историю в этом странном молитвенном доме? Может быть, он попадет в некое экзотическое место, где в теплом воздухе разлит аромат ладана, а таинственные обряды поражают своей причудливостью и красотой? Теша себя сладкими мечтами, он пересек Честер-стрит и, поставив зонт ветру, зашагал к Храму Священного пламени.

Перед ним маячили две или три фигуры, но к тому времени, когда он добрался до раскачивавшейся вывески, они уже исчезли за дверью. Подойдя ближе, Найджел услышал колокольный звон – не такой звонкий и напористый, как в церкви Святой Марии на Грэм-стрит, – скорее мягкий и приглушенный, словно звучащий в глубине здания. Он свернул в нишу, расположенную под церковной вывеской, и колокол тут же затих. Найджел оказался в длинной крытой галерее, освещенной в самом конце одинокой лампой, или, точнее сказать, одиноким огоньком – направившись в его сторону, он обнаружил, что это живое пламя бронзового факела в железной подставке. Очевидно, в силу каких-то религиозных традиций этот необычный осветительный прибор был помещен в своеобразную клетку.

Прямо под факелом находилась двустворчатая дверь. На глазах Найджела из нее вышел какой-то человек, запер ее на ключ и уселся на стул под полыхавшим пламенем. Найджел стряхнул зонт и подошел к привратнику. Это был бледный, худощавый юноша в очках, с замашками аристократа.

– Боюсь, вы опоздали, – произнес он строго.

– Опоздал?

Найджел сам удивился, до какой степени он был разочарован.

– Да. Колокол отзвонил. Я уже запер двери.

– Но прошла всего пара секунд! Я же видел, как вы выходили из дверей. Почему бы вам не открыть их снова?

– Колокол отзвонил.

– Да-да, я уже слышал. Повторяю, это случилось буквально только что. Вы можете меня впустить?

– Похоже, вы не знакомы с правилами, – заметил молодой человек, указав на табличку, висевшую в рамочке рядом с дверью.

Найджел раздраженно развернулся и прочел: «Колокол умолкает, как только священник входит в храм. Двери закрываются и остаются закрытыми до конца церемонии».

– Видите? – назидательно промолвил юноша.

– Вижу. Но, по-моему, вы совершаете ошибку, слишком строго этому правилу следуя. Наверное, вы заметили, что я здесь новенький. Что-то заставило меня сюда прийти – какой-то внутренний толчок. Кто знает, не стану ли я новым приверженцем той доктрины, которая проповедуется за этими дверями?

– Для неофитов проводятся занятия по средам, в четверть седьмого.

– Да не собираюсь я туда ходить! – в сердцах выпалил Найджел.

– Как вам угодно.

Найджел вдруг почувствовал, что ведет себя очень глупо. Он и сам не очень понимал, почему так разозлился, не попав на церемонию, о которой ничего не знал и на которую ему было, по большому счету, наплевать. Устыдившись своей грубости, он снова повернулся к надписи, надеясь как-нибудь умиловить привратника.

В верхней части таблички пламенел красный факел, окруженный рядом малопонятных символов. Все это было заключено в большой круг, состоявший из знаков Зодиака. Найджела охватил новый приступ недовольства – он как раз рассчитывал на что-то в этом роде. Ясно, что здесь происходили какие-то странные и экзотические службы. Доносившееся из-за дверей приглушенное пение усилило его досаду. Тем не менее он прочел:

В свете Священного пламени все тайны мира – только грани одной великой Тайны, все боги – лишь воплощения одного великого Божества. Время – не более чем образ Вечности, а путь к вечному лежит через Духовный экстаз.

Джаспер Гарнетт.

– Скажите, – обратился Найджел к привратнику, – кто такой Джаспер Гарнетт?

– Наш Основатель, – сухо ответил молодой человек, – и наш Пастырь.

– Значит, он не только рассуждает о вечности, но и открывает тот самый «путь», о котором говорит?

– Я бы сказал иначе, – возразил привратник, причем в его глазах блеснул фанатичный огонек. – Он сам и есть Путь.

– А вам, стало быть, приходится вечно пребывать в изгнании, коротая время с опоздавшими посетителями? – спросил Найджел, которому начал нравиться этот диалог.

– Мы дежурируем по очереди.

– Ясно. Кажется, я слышу за дверью какие-то стенания. Это голос мистера Джаспера Гарнетта?

– Да. Только это не стенания, а молитва.

– Что за молитва?

– Наверное, вам все-таки стоит посетить занятия для неофитов. Я не имею права болтать с посторонними, тем более находясь на страже, – с пафосом заявил привратник.

– Ну какая же это болтовня, – возразил Найджел.

Вдруг он подскочил на месте. Дверь содрогнулась от мощного удара изнутри. За ним последовал второй, потом третий.

– В сторону, в сторону! – воскликнул молодой человек.

Он снял железную сетку, защищавшую бронзовый факел, потом достал из кармана ключ и быстро отпер дверь.

Найджел поспешно отошел в сторону. Рядом с дверью в стене имелась небольшая ниша. Он бесшумно отступил вглубь.

На пороге появились два отрока в длинных ярко-алых одеяниях и пурпурных накидках, украшенных богатой вышивкой. Их длинные волосы пышно струились по плечам. Один был рыжекудрый и курносый, с крупными зубами, другой – черноокий брюнет с пухлым ртом. Меланхолично потряхивая кадильницами, они с поклонами приблизились к факелу. Вслед за ними шествовал высокий мужчина в белоснежном расшитом одеянии, напоминавшем о друидах. У него была роскошная седая шевелюра, глубоко запавшие глаза и густые черные брови. Все вместе производило сильное впечатление. На худом скуластом лице, изборожденном морщинами, выделялся тяжелый подбородок. Человек с такой внешностью мог с одинаковой вероятностью быть трагическим актером, святым или американским коммивояжером. Найджел прекрасно его рассмотрел, потому что тот долго стоял перед факелом, склонив голову и держа в руках незажженную свечу. Затем, бормоча что-то под нос, мужчина

трижды преклонил колени и протянул свечу к язычкам пламени. Когда она вспыхнула, он поднял ее высоко над головой. Привратник и оба служки опустились на колени, священник закрыл глаза, а Найджел проскользнул в зал.

Сначала ему показалось, что вокруг полная темнота. Потом он начал что-то различать. Вдалеке – судя по всему, на алтаре – горел красный огонек. В воздухе стоял запах ладана. Ноги утопали в толстом, мягком ковре, скрадывавшем звук шагов. Найджел почувствовал, что вокруг него в абсолютной тишине стоит множество людей. Неожиданно в открытых дверях появился свет. Стараясь отойти подальше, Найджел начал осторожно смещаться вправо и, не обнаружив никаких препятствий, решил, что попал в поперечный неф. Постепенно его глаза привыкли к темноте, и перед ним стал вырисовываться пливший под сводами дымок, какие-то бледные фигуры возле стен (вероятно, статуи) и ряды смутных силуэтов с опущенными головами. Он догадался, что движется вдоль стены за последним рядом скамей. В дальнем углу показалось свободное место. Найджел скользнул туда и едва успел усесться, как слабое пятно света, двигавшееся со стороны дверей, возвестило о возвращении преподобного Джаспера Гарнетта и его пылающей свечи. Преподобный появился в центральном нефѐ, озаренный слабым сиянием огня: казалось, в темноте плывет только его голова, окруженная желтым нимбом. Свеча парила над ним в глубоком мраке. Потом во тьме звучно вспыхнуло яркое пламя. Паства издала какой-то мрачный рев. Орган выдал два-три резких взвинченных аккорда, ударив Найджеля по нервам, и на стенах – с равными интервалами – вспыхнули красные светильники.

Несколько минут в храме стоял оглушительный шум, постепенно превращающийся в невнятное пение. Рядом с Найджелом находилась полная дама с хриплым голосом. Он внимательно вслушивался в ее голос, но не мог разобрать ни слова, словно она пела на неизвестном языке.

– Э-э-а-а-и-и-е-е-я-я-е-е, – надрывалась дама.

В заключение орган и паства выдали дружное «Аминь». Все присутствующие поднялись с колен, уселись на свои места, и в храме воцарилось глубокое молчание.

Найджел огляделся по сторонам.

Внешне Храм Священного пламени выглядел абсолютно так же, как любая англиканская или римская церковь. Центральный неф, трансепт, алтарь, престол – все было на месте. Слева – кафедра, справа – аналой. Но на этом сходство с обычными храмами заканчивалось. Внутри помещение напоминало скорее какую-то ультрасовременную художественную выставку, причем в самом безумном из вариантов. Над алтарем высился огромный подсвечник с бронзовым факелом, в котором буйно плясало пламя. Сам алтарь украшали: пернатая змея, деревянная фигурка с длинным языком и глазами из перламутра, вагнеровский божок, миниатюрный тотемный столб и множество других языческих идолов, нагроможденных беспорядочно и кое-как, словно в лавке старьевщика. На стенах красовались знаки Зодиака, а в проходах высились огромные изваяния в стиле модерн. По большей части они представляли собой бесформенные глыбы, из которых там и сям вылезали всевозможные животные и птицы: лев, бык, змея, кошка, феникс. Рядом с ними, казалось, глубоко изумленные таким соседством, громоздились человеческие статуи, изображавшие, по мнению Найджеля, скандинавских богов. Мужские фигуры носили шлемы и бороды, женские – шлемы и сапожки. Выглядели они так, словно их начал ваять Джейкоб Эпстайн, а закончил какой-то очумевший каменщик. В одной из статуй Найджел узнал Одина. Могучий бог был облачен в широкий плащ, в складках которого терялась пара четвероногих (вероятно, Гери и Фреки), а у гигантских ног, как будто распухших от водянки, торчали два мрачных ворона (очевидно, Хугин и Мунин). В зале обильно курились благовония. Все сияло роскошью и великолепием.

Пока Найджел предавался этим наблюдениям, зал наполнил голос необыкновенной красоты. На кафедру взошел преподобный Джаспер Гарнетт.

Позже, рассказывая обо всем случившемся старшему инспектору Аллейну, Найджел понял, что не может описать эту часть церемонии даже в самых общих чертах. Запомнилось только одно – она произвела на него глубокое впечатление. Это было подлинное торжество разума и духа. Что-то вроде серии ослепительных пьянящих вспышек, в свете которых все моральные и духовные проблемы человечества решались с необыкновенной легкостью и простотой. Все детали мира сложились в идеальную картину. Найджел чувствовал, как внутри его устанавливается чудесная гармония. Казалось, глаза проповедника смотрели только на него. Они заглядывали ему прямо в душу, и Найджел сознавал, что сопротивляться совершенно бесполезно. Когда священник приказал ему смотреть на факел, он так и сделал. Пламя вспыхивало и колебалось в такт упоительному голосу. Найджел перестал ощущать собственное тело. Короче, он был полностью одурманен и прямым ходом шел к своему «обращению», как вдруг дама рядом с ним оглушительно чихнула и испуганно шепнула: «Простите...»

Но чары уже рассеялись. Он вернулся с небес на землю и успел расслышать последние слова отца Гарнетта:

– Итак, дверь открыта, пламя экстаза ждет нас. Так давайте вместе войдем в священное единство Духа. Оставьте свои тела. Вас ждет новая жизнь. Зла больше нет. Хватит держаться за землю. Да снизойдет на вас экстаз. Придите к пылающей чаше!

По залу прошел глухой ропот. Он быстро нарастал, взрываясь разрозненными возгласами. Полная дама тихонько завывала, мужчина рядом с ней выкрикнул что-то нечленораздельное. Священник приблизился к алтарю и достал из дароносицы серебряный сосуд и усыпанную драгоценностями чашу. Сосуд он передал смуглому причетнику, а сам взял в руки чашу. Из ее глубины вырвался язычок пламени и сразу угас. Одна из женщин в первом ряду вскочила на ноги. Остальные прихожане опустили на колени. Женщина взбежала по ступенькам алтаря и с хриплым возгласом «хайль!» простерлась на полу под факелом. Священник подошел к ней, подняв над головой чашу. Еще несколько человек из паствы присоединились к женщине – преклонили колени и воздели руки к чаше. Они тоже выкрикивали что-то неразборчивое. Выглядело все это непристойно, и Найджел, неожиданно протрезвев, почувствовал неловкость и даже стыд. Священник подал чашу одной из женщин, стоявших на коленях, полной даме с красным лицом. Страстно прохрипев: «Имир», – она взяла у причетника серебряный сосуд, налила в чашу немного жидкости и передала ее соседу. Это был темноволосый мужчина в дорогой одежде; он сделал то же самое, произнеся другое слово. Чаша пошла по кругу. Каждый принимал чашу от соседа, брал у служки серебряный сосуд, наливал в чашу вина, передавал ее следующему участнику и возвращал сосуд причетнику. Все произносили при этом разные слова. Найджелу показалось, что он расслышал имена: Тор, Ариман и Видур, хотя большинство других звучали так диковинно и незнакомо, что он не мог их разобрать. Когда круг закончился, чаша снова перешла в руки отца Гарнетта. Простершаяся на полу женщина вскочила на ноги. Ее руки судорожно дергались, губы все время шевелились – она бормотала какую-то околесицу, – голова болталась из стороны в сторону. Зрелище было неприятным и тяжелым, несмотря на то что сама женщина выглядела довольно привлекательно: высокая, еще молодая, хотя и с белыми волосами. Одетая она была красиво и по последней моде, но от бесноватых движений ее одежда пришла в беспорядок, шляпа гротескно сползла на ухо, а рукав платья задрался до локтя. Женщина разразилась длинной речью, невнятной, если не считать нескольких ясно прозвучавших имен древних богов и отдельных фраз в более современном вкусе вроде «я есть все во всем». Круг колесопреклоненных начал хором повторять: «Хайль!» – и вскоре она присоединилась к общему пению, громко хлопая в ладоши и раскачиваясь взад-вперед.

Внезапно, видимо по какому-то сигналу, поданному священником, в зале наступила тишина. Женщина простерла перед собой руки, и священник вручил ей чашу.

- Вино экстаза да наполнит твои тело и душу!
- Тур-айе!
- Да войдет в тебя безумие Священного пламени!
- Хайль! Тур-айе! Тур-айе!

Женщина поднесла к губам чашу. Она все больше откидывала голову назад, пока не осушила все до последней капли. Внезапно женщина резко вдохнула. Она недоуменно полубернулась к священнику, словно хотела его о чем-то спросить. Ее руки вытянулись вперед, как бы предлагая ему чашу, потом безвольно опустились. Чаша покатилась по полу. Лицо женщины исказилось в отвратительной гримасе. Тело мучительно изогнулось. Наконец, словно огромная кукла, она в полный рост растянулась на полу, два раза дернулась и затихла.

Глава 3

Смерть старой девы

Найджел, хоть и пораженный увиденным, подумал сначала, что так и было предусмотрено обрядом. Он находил эту службу довольно неприятной, но все же интересной. Прошла целая минута, прежде чем до него стало доходить, что финал вышел совсем не таким, как ожидали прихожане и сам отец Гарнетт. Первым его навел на эту мысль один из молодых адептов. Тот поднялся с колен, переводя взгляд с женщины на священника. Потом о чем-то заговорил, но так тихо, что Найджел не услышал ни слова. Остальная часть посвященных продолжала стоять на коленях, но вид у них был растерянный – словно они не понимали, что делать дальше. Исступленный восторг паствы куда-то улетучился, и вместо него в воздухе повисло напряженное молчание. Священник так же тихо ответил молодому человеку. На этот раз Найджел ясно различил слова – возможно, потому, что уже не раз слышал их раньше:

– Духовный экстаз...

Последнее словно он произнес нараспев: «экста-а-аз».

– Явные симптомы...

Молодой адепт обернулся и неуверенно посмотрел на женщину.

– Друзья мои, – заговорил священник громко и решительно. – Друзья мои, наша сестра удостоилась величайшей благодати. Она обрела экстаз! Оставим ее наедине с этим чудесным опытом. Давайте споем наш гимн Пану, всемогущему Богу.

Он выдержал паузу. Орган осторожно взял пару аккордов. Прихожане с глухим ропотом стали подниматься с колен.

– Давайте споем, – решительно повторил отец Гарнетт, – наш гимн...

В толпе раздался крик. Из разорванного круга выскочила невысокая, плохо одетая женщина и резко остановилась, вытянув вперед шею и широко открыв рот.

– Нет, нет! Все не так. Она мертва. Я прикоснулась к ней. Она мертва!

– Мисс Уэйд, успокойтесь!

– Я не успокоюсь! Она мертва...

– Минутку, – послышался невозмутимый голос рядом с Найджелом.

Из задних рядов сквозь толпу пробирался солидный пожилой мужчина. По пути он аккуратно обогнул полную даму. Найджел отступил в сторону, чтобы дать ему дорогу, а затем, повинаясь журналистскому инстинкту, последовал за ним.

– Думаю, мне следует осмотреть эту даму, – спокойно заметил мужчина, подходя к алтарю.

– Но, доктор Касбек...

– Думаю, мне следует ее осмотреть, отец Гарнетт.

Найджел незаметно приблизился к группе под факелом. У него было странное чувство, что он поднимается на сцену для участия в каком-то фантастическом спектакле. Стоявших здесь людей – бледных, с мертвенными лицами – освещал только неровный свет пламени. Огонь тихо шипел, будто неразборчиво бормоча. Больше в храме не было ни звука. Доктор опустил на колени рядом с неподвижной фигурой.

Женщина упала лицом вниз, уронив голову на ступени алтаря. Доктор пощупал ее запястье и быстрым движением приподнял шляпу, закрывавшую ее лицо. На него уставились неподвижные, широко открытые глаза без блеска. В уголках ее рта застыла вязкая пена. Сам рот был напряжен, зубы крепко стиснуты, а губы оттянуты назад, словно в невеселой улыбке. Щеки пылали вишневым румянцем, хотя все остальное лицо поражало бледностью.

Неизвестно, удалось ей достигнуть экстаза или нет, но эта женщина, без сомнения, была мертва.

Увидев страшное лицо, стоявшие рядом адепты отпрянули назад. Кто-то вскрикнул. Мисс Уэйд – пожилая женщина в плохой одежде – испустила сдавленный вопль, в котором слышались ужас и в то же время торжество:

– Мертва! Я же говорила – она мертва! О! Отец Гарнетт!

– Закройте ее, ради бога, – пробормотал высокий молодой человек.

Доктор наклонился ближе. Он понюхал воздух возле губ покойной и расстегнул воротник платья. Найджел увидел, как его ладонь крепко прижалась к бледной коже. Доктор подержал ее так несколько мучительно долгих секунд. Не поднимая головы, он пристально всмотрелся в ее лицо. Потом снова опустил поля дамской шляпы.

– Жуть, просто жуть, – бормотал похожий на торговца джентльмен, судя по акценту, американец.

– Попросите прихожан покинуть церковь, – резко сказал доктор. Он обращался к священнику.

Отец Гарнетт ничего не ответил. И даже не шевельнулся. Его фигура по-прежнему выглядела внушительно, но вся энергия куда-то улетучилась. Он словно оцепенел.

– Вы можете попросить их уйти? – повторил доктор Касбек.

– Подождите!

Найджел сам испугался, услышав свой голос. Все сразу повернулись к нему, не столько удивленные, сколько сбитые с толку. За его спиной прошел шепоток. Ему казалось, что его голосовые связки взбунтовались и действуют помимо его воли.

– Эта дама умерла естественной смертью? – спросил он доктора.

– Как видите, я сделал только беглый осмотр.

– Но у вас есть сомнения?

– Что это значит? – вдруг очнулся священник. – Кто вы такой?

– Я присутствовал на службе. Простите, что вмешиваюсь, но, если есть подозрения в насильственной смерти, никто не должен...

– В насильственной? С чего вы взяли? – спросил американец.

– Я сужу по рту и глазам. И еще... по запаху. Возможно, я ошибаюсь. – Найджел продолжал смотреть на доктора. – Но, если есть сомнения, лучше, если все останутся на месте.

Доктор холодно разглядывал его несколько секунд.

– Пожалуй, вы правы, – произнес он наконец.

Они говорили вполголоса, но, очевидно, в зале расслышали их слова. Несколько человек вышли в центральный неф. Гул в рядах усилился. Послышались громкие голоса, какая-то женщина вскрикнула. Шепча и шатаясь, толпа медленно двинулась к алтарю.

– Скажите им, чтобы сели на свои места, – попросил доктор.

Священник, похоже, уже собрался с мыслями. Он повернулся и быстро взбежал по ступенькам кафедры. Найджел почувствовал, что он готов употребить весь свой авторитет, чтобы вернуть контроль над паствой.

– Друзья мои! – загремел его сильный и уверенный голос. – Прошу вас, вернитесь на свои места и сохраняйте спокойствие. Я чувствую, как в эту минуту на нас нисходят мощные космические волны. Их энергия осенила нашу возлюбленную сестру, наш Избранный сосуд экстаза, Кару Куэйн. – Его голос слегка дрогнул и сбавил тон. – Мы должны укрепить наши души силой мировой гармонии. Призываю вас предаться медитации на тему «Единение». Пусть в храме пребудет тишина.

Все сразу повиновались. В зале воцарилось глубокое молчание. Стало так тихо, что было слышно, как прошелестела мантия священника, спустившегося с кафедры. Найджелу он казался каким-то сверхъестественным, невероятным существом.

Отец Гарнетт обратился к двум причетникам, один из которых все еще механически качал кадильницей, а второй держал сосуд с вином.

– Задержите занавес, – распорядился он тихо.

– Да, отче, – ответил рыжий.

– Да, отче, – пролепетал темноволосый.

Раздался звон металлических колечек, потом шорох тяжелой ткани, и они оказались за парчовой стеной, наглухо отделившей их от прихожан. Алтарь превратился в комнату, мрачноватую, но довольно уютную.

– Теперь можно говорить свободно, – заметил священник. – Занавес с подкладкой, очень плотный.

– Господи, помилуй! – воскликнул американец. – Что за кошмарная история! Доктор, вы уверены, что она умерла?

– Уверен, – отозвался доктор, снова наклонившись над телом.

– Да, но дело не только в этом, – вмешался молодой человек. – Почему никто не должен уходить? Что это значит? – Он повернулся к Найджелу: – Зачем вы сказали про насильственную смерть и кто вы, черт возьми, такой?

– Морис, – попытался остановить его священник. – Морис, дитя мое...

– Эта женщина, – упрямо продолжал юноша, – вообще не должна быть здесь. У нее нет права подходить к чаше. Она – воплощенное зло. Я знаю, отец Гарнетт, я знаю...

– Морис, успокойся.

– Заткнись, парень! – буркнул американец.

– Говоря вам, я знаю...

Юноша замолчал, с какой-то иступленной преданностью глядя на священника. Отец Гарнетт пристально смотрел ему в глаза. Если это было дуэлью, то победил священник: юноша резко отвернулся и отошел в сторону.

– Что произошло? – спросил Найджел доктора. – Это яд?

– Похоже на то. Смерть была мгновенной. Надо известить полицию.

– Поблизости есть телефон?

– Да, в комнатах отца Гарнетта.

– В его комнатах?

– Да, за алтарем, – объяснил доктор.

– Я могу им воспользоваться?

– Вы уверены, что это необходимо? – спросил священник.

– Абсолютно уверен, – отрезал доктор Касбек. Он взглянул на Найджела. – Так вы позвоните?

– Если хотите. У меня есть знакомый в Скотленд-Ярде.

– Тогда действуйте. Как насчет ближайших родственников? Кто-нибудь о них знает?

– Кара жила одна, – откликнулась девушка, до сих пор хранившая молчание. – Она говорила мне, что у нее нет родственников в Англии.

– Ясно, – кивнул доктор Касбек. – В таком случае... – Он посмотрел на Найджела. – Нужно просто позвонить в полицию. Отец Гарнетт, вы покажете дорогу этому молодому человеку?

– Полагаю, мне лучше вернуться к своей пастве, – возразил отец Гарнетт. – Они нуждаются в моем руководстве. Клод, проводи его к телефону.

– Да, отче.

Найджел, словно пребывая в трансе, направился вслед за служкой. Хрупкий Клод отдернул парчовый занавес в правой части алтаря, открыл оказавшуюся за ним дверь и шагнул в ее проем, с томным видом поглядывая на Найджела.

«В хорошенькое дельце я вляпался», – подумал Найджел и последовал за ним.

Отец Гарнетт жил прямо за алтарем. Это была маленькая квартирka. Ближняя комната смахивала на музейный зал с античными слепками. Так, по крайней мере, показалось журналисту, когда Клод провел его в дальний угол и показал на что-то вроде ритуального чайника – Найджел с трудом распознал телефонный аппарат.

– Спасибо, – поблагодарил Найджел, надеясь, что Клод немедленно уйдет. Тот остался, доверчиво глядя на Найджела.

Воскресный вечер. Аллейн наверняка должен быть дома, если только его не вызвали по срочному делу. Найджел набрал номер и стал ждать, чувствуя сухость во рту и колотящийся в ушах пульс.

– Алло!

– Алло... Могу я поговорить со старшим инспектором Аллейном? А, это вы. Значит, вы дома. Это Найджел Басгейт.

– Добрый вечер, Басгейт. Что случилось?

– Я звоню из церкви... Из Храма Священного пламени. Это на Ноклэтчерс-роу, рядом с Честер-террас, как раз напротив моей квартиры.

– Я знаю эту улицу. Она в моем округе.

– Десять минут назад здесь скончалась женщина. Думаю, вам нужно приехать.

– Вы там один?

– Нет.

– Господи, как вас туда занесло, несчастного? Женщину убили?

– Откуда мне знать?

– Какого черта вы не позвонили в Скотленд-Ярд? Я бы на вашем месте так и сделал.

– Приезжайте, прошу вас. Я держу здесь прихожан. То есть, – поправился он смущенно, – они все еще здесь.

– Ничего не понимаю. Я буду через десять минут.

– Спасибо.

Найджел повесил трубку.

– С ума сойти, вы знаете Аллейна из Скотленд-Ярда! – просиял Клод. – Это потрясающе! Вам очень повезло.

– Думаю, нам лучше вернуться, – напомнил Найджел.

– Честно говоря, я бы остался здесь. Мне страшно. Вы когда-нибудь видели столь ужасное лицо, как у мисс Куэйн? Как вы думаете, она покончила с собой?

– Не знаю. И все же вы идете?

– Пожалуй. Вы потрясающе смелый человек. Я выключу свет. Отец Гарнетт – потрясающий, правда? Ведь вы новенький?

Найджел выскочил из комнаты.

Вся компания посвященных собралась вокруг американца, который что-то им шептал.

Он выглядел как типичный персонаж трансатлантических реклам: высокий, склонный к полноте крепыш, такой вылощенный и стерильный, словно и впрямь регулярно употреблял все те дезодоранты, лосьоны, кремы и жидкости для полоскания рта, которыми пестрят издания американских журналов. Единственным недостатком в его внешности были глаза, имевшие разный цвет: один – светло-голубой, а другой – карий. Это придавало ему комичный вид, словно он все время валял дурака, даже если говорил серьезно.

К удивлению Найджела, орган снова заиграл мелодию, а за занавесом послышалось приглушенное пение. В зале четко разносился голос отца Гарнетта. Кто-то – вероятно, доктор – накрыл тело куском великолепно расшитой ткани.

Увидев Найджела, американец направился к нему.

– Пожалуй, нам стоит познакомиться, – произнес он любезным тоном. – Вы свалились на нас невесть откуда и сразу взяли быка за рога. Не скрою, мне это понравилось. Люблю,

когда люди действуют решительно. Меня зовут Сэмюэль Дж. Огден. Кажется, у меня завалилась визитка...

Американец полез в карман.

– О, не стоит, – остановил его Найджел. – Меня зовут Басгейт.

– Рад познакомиться, мистер Басгейт. – Мистер Огден крепко пожал ему руку. – Позвольте представить вам этих дам и джентльменов. Мисс Кэндур, знакомьтесь, мистер Басгейт. Мисс Уэйд, знакомьтесь, мистер Басгейт. Мистер Басгейт – мисс Джейни Дженкинс. Месье де Равиньи – мистер Басгейт. Доктор Касбек – мистер Басгейт. Мистер Морис Прингл – мистер Басгейт. А эти двое джентльменов – наши причетники. Мистер Клод Уитли и мистер Лайонел Смит, знакомьтесь – мистер Басгейт.

Растерянные британцы беспомощно переглядывались с Найджелом. Месье де Равиньи, худощавый француз, бросил на него хмурый взгляд.

– Итак... – с приятной улыбкой хотел было продолжить мистер Огден. Но его поспешно перебил Найджел:

– Постойте, если не возражаете, надо послать кого-нибудь к выходу. Сейчас приедет инспектор Аллейн, и, насколько я понимаю, наружная дверь закрыта.

– Верно, – согласился мистер Огден. – Может быть, кто-нибудь из этих юношей...

– Можно мне? – взмолился Клод.

– Хорошо, – кивнул мистер Огден.

– Я пойду с тобой, Клод, – вмешался рыжий служка.

– Нет смысла посылать двоих, как вы думаете, мистер Огден?

– Так, Фаунтлерой, бери маленького Эрика и шагом марш! – грубо бросил мистер Огден. Найджел понял, что ему нравится этот американец.

Служки опрометью бросились к выходу и исчезли за занавесом. Голоса и орган на секунду стали громче.

– Служки всегда такие? – задумчиво произнес мистер Огден.

У кого-то вырвался легкий смешок. Это была Джейни Дженкинс – невысокая девушка с умным лицом.

– Простите, – извинилась она тут же. – Я не хотела смеяться, но эти Клод и Лайонел... Просто ужас что такое!

– Согласен, – охотно подтвердил Найджел.

Девушка повернулась, но не к нему, а к Морису Принглу – тому молодому человеку, который так странно говорил со священником. Он отделился от других и с несчастным видом стоял в стороне. Мисс Дженкинс подошла к нему и заговорила, но так тихо, что Найджел не расслышал ее слов.

– Доктор Касбек, – заговорила немолодая дама, которую мистер Огден представил как мисс Уэйд, – простите, если покажусь вам глупой, но я не понимаю... Кару Куэйн убили?

Когда эта мысль была наконец выражена вслух, все восприняли ее как что-то неприличное. Миссис Кэндур, цветущая женщина с безобразными руками, возмущенно ахнула; месье де Равиньи зашипел, как паровой котел; мистер Огден воскликнул: «Эй, эй, минуточку!»; Прингл совсем ушел в себя, а мисс Дженкинс взяла его за руку.

– Конечно, нет, мисс Уэйд, – ответил доктор Касбек. – Странно слышать от вас такое предположение.

– Я просто спросила, – возразила мисс Уэйд. – Бедняжка была не слишком счастлива и, прямо скажем, не очень популярна.

– Мисс Уэйд, ради бога! – Месье де Равиньи гневно смотрел на нее. – Я решительно протестую! Это... Это очень пристрастное суждение. И абсолютно нелепое! – Он оскорбленно пожал плечами. – Неужели вам недостаточно случившейся трагедии? Бедная моя Кара, неужели этого мало?

Голос отца Гарнетта, приглушенный, но отчетливый, все еще доносился из-за портьеры.

– Слушайте его! – воскликнул Прингл. – Слушайте! Он всех заставил замолчать. И нас тоже. Почему мы ему верим?

– Что вы несете? – в ярости прошептала миссис Кэндур.

– Вы сами знаете. Вы тоже хотели оказаться на ее месте. И это не его вина, а наша! Все это так... так омерзительно...

– Морис... – мягко вмешалась мисс Дженкинс.

– Молчите, Джейни. Я все скажу. Потому что это возмездие. Мы устраивали фарс. Нет, это невыносимо. Я все расскажу...

Юноша вырвался из ее рук и бросился к занавеске. Но не успел он до нее добраться, как она откинулась в сторону, и в зал вошел высокий мужчина.

– А, вы здесь, Басгейт, – произнес старший инспектор Аллейн. – Что случилось?

Глава 4

Скотленд-Ярд

Появление инспектора произвело неожиданный эффект как на место действия, так и на всех его участников. Больше всего это походило на трюк с кинокамерой, когда она движется по комнате и показывает сцену с разных сторон. Найджелу по-прежнему казалось, что он видит кошмар, но теперь это был кошмар, который снился кому-то другому, а он просто наблюдал его со стороны. Пребывая в замешательстве, он задумался: не устроить ли ему сложную серию знакомств по примеру мистера Огдена, – но потом отказался от этой мысли и в нескольких словах рассказал Аллейну о произошедшем. Остальные молча разглядывали новоприбывшего. Джейни Дженкинс держала в ладонях руку Прингла; мисс Уэйд прижимала к губам платок; месье де Равиньи мрачно стоял в стороне; миссис Кэндур взгромоздилась на гигантский трон у алтаря; мистер Огден выглядел озадаченным, но готовым ко всему, а оба причетника с восторгом глазели на инспектора. Аллейн слушал с бесстрастным видом, точно благовоспитанный фавн. Но когда Найджел слишком разошелся, Аллейн сделал кислую гримасу. Найджел понизил голос и, наклонившись ближе, шепотом повторил все, что запомнил из разговоров мисс Уэйд, Прингла и де Равиньи. Аллейн спросил, кого нужно уведомить о смерти мисс Куэйн. Оказалось, что никого, кроме ее прислуги. Мисс Дженкинс возразила, что, как она слышала со слов самой мисс Куэйн, на воскресенье прислуга была отпущена домой. Она вызвалась выяснить, так ли это, и отправилась в комнату отца Гарнетта, чтобы позвонить по телефону. Вернувшись, мисс Дженкинс доложила, что на звонки никто не отвечает. Аллейн записал номер и пообещал проследить, чтобы все заинтересованные лица были уведомлены о случившемся. Выяснив все детали дела, он плотней задернул занавеску и вполголоса обратился ко всем собравшимся. В этот момент отец Гарнетт, оставив паству петь очередной гимн, присоединился к группе посвященных. Никто его не заметил, кроме Найджела. Тихо встав у портьеры, Гарнетт внимательно слушал, не спуская глаз с инспектора.

Аллейн сказал:

– Думаю, не стоит скрывать от вас, что здесь произошло. Судя по всему, эта женщина была отравлена. Пока мы не выясним причины и обстоятельства ее смерти, я буду заниматься этим делом от имени полиции. Полагаю, держать здесь всю остальную паству смысла не имеет.

Он обернулся и увидел священника.

– Вы мистер Гарнетт? Будьте добры, попросите ваших прихожан разойтись по домам – после того как они закончат петь, разумеется. У двери стоит констебль. Он запишет их фамилии. Отпустите их, пожалуйста.

– Хорошо, – ответил отец Гарнетт и исчез за портьерой.

Вскоре в зале зазвучал его голос, благословляющий паству. Затем послышались шум и движение множества людей. Пару раз кто-то кашлянул. Наконец все стихло. Напоследок гулко хлопнула дверь, и в храме воцарилась полная тишина, если не считать тихо потрескивавшего факела. Отец Гарнетт вернулся назад.

– Думаю, занавес можно отдернуть, – предложил Аллейн.

Отец Гарнетт кивнул. Клод и Лайонел бросились к разным концам портьеры и мигом отдернули ее в обе стороны, открыв одинокую фигуру привратника, который почтительно ждал на нижней ступеньке.

– Я вам еще нужен, отче? – спросил привратник.

– Заприте входную дверь и можете идти домой.

– Хорошо, отче, – прошептал привратник.

Он торопливо направился к выходу и бесшумно закрыл за собой двустворчатую дверь. На миг воцарилось молчание. Потом Аллейн повернулся к Найджелу:

– Здесь есть телефон?

– Да.

– Басгейт, будьте любезны, позвоните в Скотленд-Ярд и сообщите им, что произошло. Сегодня дежурит Фокс. Попросите его приехать и прихватить с собой всю команду. Нам понадобятся окружной врач и криминалист.

Найджел отправился в комнату за алтарем. Когда он вернулся, Аллейн достал блокнот и стал записывать данные собравшихся.

– Это необходимая процедура, – пояснил он. – Будет судебное расследование, на котором вам всем придется выступать в качестве свидетелей.

– Проклятье, – пробормотал Прингл.

– Думаю, лучше начать с покойной, – продолжал Аллейн. – Как ее звали?

– Мисс Кара Куэйн, инспектор, – ответил мистер Огден. – У нее великолепная квартира на Шеперд-маркет, дом сто один. Я имел честь обедать у нее и, должен сказать, получил огромное эстетическое наслаждение. Это была очаровательная женщина с утонченным вкусом и...

– Дом сто один, Шеперд-маркет, – перебил Аллейн. – Спасибо.

Он записал информацию и поглядел на остальных.

– Если не возражаете, давайте начнем с вас, доктор Касбек.

– Разумеется. Николас Касбек, дом сто восемьдесят девять «а» по Уигмор-стрит.

– Прекрасно. – Он повернулся к мисс Уэйд.

– Меня зовут Эрнестина Уэйд, – произнесла она громко и отчетливо, словно разговаривая с глухим. – Я живу в Примроуз-корт, Кингз-роуд, Челси. Не замужем.

– Спасибо.

Мисс Дженкинс шагнула вперед:

– Я Джейни Дженкинс. Живу в квартирке на Йоменс-роу, номер девяносто девять «д». И тоже не замужем, если хотите знать.

– Это просто чтобы знать, как правильно писать, – объяснил Аллейн, – «мисс» или «миссис».

– Теперь ты, Морис, – обратилась мисс Дженкинс к молодому человеку.

– Прингл, – буркнул тот с таким видом, словно его имя было оскорблением. – Морис. Живу на Слоун-сквер, Харроу-мэншнс, дом одиннадцать.

– Это ваш постоянный адрес?

– Нет. Можно сказать, я живу у своих родителей, но стараюсь появляться там пореже.

– Зато тебя всегда можно найти в клубе «Феникс», верно? – вставила мисс Дженкинс.

– Пожалуй, – угрюмо ответил мистер Прингл.

– Следующий, – произнес Аллейн бодрым тоном.

Неожиданно послышался голос миссис Кэндур, все еще сидевшей на гротескном троне. Сама ее поза выражала глубокое отвращение к происходящему.

– Меня зовут Дагмар Кэндур, апартаменты Королевы Шарлотты, Кенсингтон-сквер, номер двенадцать.

– Спасибо.

Мистер Огден, уже не раз порывавшийся выйти вперед, но потом вежливо уступавший свою очередь, решительно подал голос:

– Сэмюэль Дж. Огден, шеф. Думаю, мой адрес вам не интересен. Я приехал из Нью-Йорка. В Лондоне остановился на Йорк-сквер, дом 93, Эйчерч-корт. К сожалению, никак не могу найти свою визитку, но, как говорится, чем богаты.

– Большое спасибо, мистер Огден. А теперь вы, сэр.

Отец Гарнетт немного помолчал. Потом он прочистил горло, и зазвучал его красивый мощный голос:

– Отец Джаспер Гарнетт. – Он произнес фамилию по буквам. – Я священник этого храма. Живу здесь.

– Здесь?

– У меня есть небольшая квартирка за алтарем.

– Надо же, как удобно, – пробормотал Аллейн. – А теперь двое этих... – Он с сомнением взглянул на Клода и Лайонела. – Этих юношей.

Оба причетника взхлеб бросились что-то объяснять.

– Что-что? – переспросил Аллейн.

– Заткнись, Лайонел! – воскликнул Клод. – Мы снимаем квартиру на Эбьюри-стрит, дом называется Эбьюри-мьюз. Хотя это не совсем квартира, верно, Лайонел? Господи, вот я дурак – забыл ее номер!

– Ты безнадёжен, Клод, – буркнул Лайонел. – Номер 17, Эбьюри-мьюз, Эбьюри-стрит. Только мы не так уж часто там бываем, потому что участвуем в спектаклях: я в театре «Палладиум», а Клод – в шоу Мадам Карен, на Слоун-стрит, и...

– Я так и не услышал, как вас зовут, – перебил Аллейн.

– Ты дубина, Лайонел, – вмешался Клод. – Я Клод Уитли, инспектор Аллейн, а это Лайонел Смит.

Аллейн записал их данные.

Месье де Равиньи вышел вперед и поклонился:

– Рауль Оноре Кристоф Жером де Равиньи. Живу в Брэскомб-чемберс, Лаундес-сквер. Вот моя карточка.

– Благодарю вас, месье де Равиньи. А теперь, дамы и господа, будьте любезны, покажите мне, где каждый из вас находился в тот момент, когда вы передавали чашу по кругу. Насколько я понимаю, церемония проходила прямо здесь.

После небольшой заминки вперед выступил священник.

– Я стоял тут, – показал он, – и держал в руках чашу. Мистер Огден преклонил колени справа, а миссис Кэндур – слева.

– Именно так, сэр, – подтвердил мистер Огден и занял свое место. – Если не ошибаюсь, справа была мисс Дженкинс.

– Верно, – кивнула названная дама. – А справа от меня – Морис.

Мисс Кэндур неохотно вошла в круг и встала слева от Гарнетта.

– Рядом со мной был месье де Равиньи, – пробормотала она.

– Так и есть.

Месье де Равиньи занял свою позицию, а возле него пристроилась мисс Уэйд.

– Я была здесь, – сказала она, – между месье де Равиньи и мистером Принглом.

– Круг замкнулся, – подытожил Аллейн. – Теперь разберемся с причетниками.

– О, я вам все объясню, – затараторил Клод. – Я стоял прямо здесь, по правую руку от отца Гарнетта. Поскольку я был Ганимедом, то держал в руках сосуд с вином. Как только отец Гарнетт вручил чашу миссис Кэндур, я отдал ей сосуд. Она держала чашу в левой руке, а сосуд – в правой. Потом она налила немного вина и произнесла первое имя божества. Вы ведь Хагринг, верно, миссис Кэндур?

– Была ею, – всхлипнула миссис Кэндур.

– Ну да... Потом я взял сосуд и передал его следующему и...

– И так далее, – закончил Аллейн. – Спасибо.

– А я стоял рядом и кадил, – взволнованно вставил Лайонел. – Я все время кадил ладаном.

– Ясно, – кивнул Аллейн. – К сожалению, всем присутствующим придется задержаться еще на какое-то время. Надеюсь, мистер Гарнетт предоставит в ваше распоряжение свою квартиру. Думаю, все будут рады покинуть это место, где произошла эта ужасная трагедия... А, кажется, мои коллеги уже прибыли.

Кто-то громко стучал в дверь.

– Можно, я им открою? – спросил Клод.

– И поскорее, – ответил Аллейн.

Клод опрометью кинулся в конец зала и распахнул двустворчатые двери. В зале появилась группа из семи человек, включая трех констеблей. Первым шел высокий, крепкий мужчина в штатском, который снял шляпу и, удивленно покосившись на нагие статуи, двинулся по длинному проходу.

– Привет, Фокс, – поздоровался Аллейн.

– Добрый вечер, сэр, – ответил инспектор Фокс.

– У нас проблемы. Поручите кому-нибудь из ваших людей проводить этих дам и джентльменов в комнаты за алтарем. Мистер Гарнетт покажет путь. Будьте так любезны, мистер Гарнетт. Я не задержу вас дольше необходимого. Доктор Касбек, если вы не против остаться...

– Пойдите! – вмешался вдруг Морис Прингл. – Не понимаю, с какой стати нас куда-то гонят, как стадо баранов? Что здесь произошло? Ее убили?

– Вполне возможно, – сухо ответил Аллейн. – Никто вас никуда не гонит, мистер Прингл. Но придется немного подождать, пока мы не разберемся в обстоятельствах дела. Проходите.

– Но...

– Я знала! – вдруг провозгласила миссис Кэндур. – Я знала, что случится что-то ужасное. Помните, я вам говорила, месье де Равиньи?

– Если вам угодно, мадам, – холодно ответил де Равиньи.

– Такого не должно было случиться, – вставила маленькая мисс Уэйд. – Нам не следовало...

– Думаю, нам всем лучше послушать инспектора, – решительно перебил отец Гарнетт. – Прошу, следуйте за мной!

Посвященные потянулись к выходу под присмотром самого крупного из констеблей.

– Уф, – выдохнул Аллейн, как только алтарная дверь закрылась. – Как вы любите говорить в таких случаях, Фокс? Мутное дельце.

– Да, люди странноватые, – согласился Фокс. – И место тоже. Что здесь случилось, сэр?

– Дама умерла от дозы цианида. Вот тело. Ваш старый друг мистер Басгейт расскажет подробности.

– Добрый вечер, мистер Басгейт, – вежливо поздоровался Фокс. – Что вам известно об обстоятельствах дела?

– Все произошло в разгар церемонии, – со вздохом начал Басгейт. – Люди, которых вы только что видели, передавали чашу по кругу. Женщина стояла внутри него. Остальные опустились на колени. Каждый по очереди получал серебряный кувшин с вином и подливал вино в чашу. Потом священник, отец Гарнетт, вручил ей чашу. Она выпила и... упала. Думаю, она умерла мгновенно. Ведь так? – повернулся он к доктору Касбеку.

– Я бы сказал – в течение двадцати секунд. – Доктор взглянул на окружного врача. – Можно было сделать искусственное дыхание, послать за сульфатом железа, попробовать желудочный зонд и так далее, но... – Он сделал гримасу. – У нее не было никаких шансов. Она умерла раньше, чем я к ней подошел.

– Разумеется, – откликнулся окружной врач. Он откинул ткань и склонился над телом.

– Я сразу почувствовал характерный запах, – добавил Касбек. – Видимо, как и мистер Басгейт.

– Да, – сказал Найджел. – Поэтому я и вмешался.

Аллейн наклонился над упавшей чашей.

– Пахнет, – согласился он. – Бэйли, проверьте отпечатки пальцев. Хотя, если чашу брали все, вряд ли это нам поможет. Но сначала все сфотографируем.

Фотограф уже начал расставлять оборудование. Он разместил три напольных вспышки, с разных сторон освещавших тело и место преступления. Аллейн открыл черный саквояж, натянул пару резиновых перчаток и достал бутылочку с маленькой воронкой. Он перелил туда немного вина из чаши. Найджел тем временем рассказывал все, что мог вспомнить из разговоров посвященных. Аллейн слушал, хмыкая и что-то бормоча себе под нос, затем убрал бутылочку обратно в саквояж. Бэйли приступил к работе, вооружившись распылителем и белым тальком.

– А где сосуд, который передавали по кругу два этих ангелочка? – спросил Аллейн. – Это он?

Инспектор указал на серебряный кувшин, стоявший в бархатной нише справа от престола.

– Да, он, – подтвердил Найджел. – Похоже, Клод не потерял голову, когда... когда это случилось.

– Клод – это кто: черная орхидея или рыжая лилия?

– Черная орхидея.

Аллейн обнюхал кувшин и наполнил еще одну бутылочку.

– Кажется, тут все в порядке, – пробормотал он. – Давайте еще раз обрисуем картину. Мисс Куэйн была в центре, а остальные стояли вокруг на коленях. Мистер Гарнетт, – слово «отец» у меня как-то не выговаривается, мистер Гарнетт взял в руки чашу и передал... как его лучше назвать? Графин? Нет, все же кувшин. Так вот, он передал кувшин мистеру Ганимеду Клоду, провел рукой над чашей, и она вспыхнула. Похоже, не обошлось без метилового спирта.

– Скорее всего, – улыбнулся Касбек.

– Прекрасно. Потом коленопреклоненные адепты стали передавать чашу из рук в руки, брать у Клода кувшин и наливать в нее вино.

– И каждый при этом произносил одно слово, – вставил Найджел. – Но я понятия не имею, что они значили.

– Думаю, это были имена божеств, – предположил Касбек. – Сам я не отношусь к членам культа, однако бывал на их собраниях. Обычно они называют имена шести божеств. Хагринг, Хако, Фригг и так далее. Гарнетт – это Один, а Избранный сосуд – всегда Фригг. Смысл в том, что все божества воплощены в одном боге, и их сущности перемешиваются в чаше. Своего рода популярный пантеизм.

– Господи, помилуй, – отозвался Аллейн. – Ладно, идем дальше. Чаша шла по кругу. Наконец она дошла до последнего адепта, и что произошло потом?

– Чаша перешла к причетнику, он передал ее священнику, а тот протянул ее мисс Куэйн.

– И она выпила.

– Да, – подтвердил доктор Касбек, – она выпила, бедняжка.

Все немного помолчали.

– Вы говорили, что этим последним адептом был мужчина, так? Я помню, мы уже все обсудили, но мне надо знать наверняка.

– Я и говорю наверняка, – сказал Найджел. – Мистер Огден замыкал круг и передал чашу служке.

– Именно так, – согласился доктор.

– Это соответствует тому расположению, которое они нам только что продемонстрировали.

– А есть ли какая-то вероятность того, что мисс Куэйн сама подсыпала что-то в чашу?

– Нет, не думаю, – покачал головой Найджел. – Я видел, что она приняла ее обеими руками, взяв за ножку. Мисс Куэйн стояла в круге, озаренная светом факела. На руках у нее были кольца, я еще заметил, что пламя отражается в них так же ярко, как в драгоценностях на чаше. У меня в памяти отпечаталась эта картинка. Она держала чашу в двух руках до тех пор, пока не выпила вино.

– А я ничего такого не помню, – признался доктор.

– Вы абсолютно уверены, Басгейт?

– Абсолютно. Могу поклясться.

– Может быть, и придется, – заметил Аллейн. – Доктор Касбек, вы сказали, что не относитесь к числу избранных. В таком случае, может быть, расскажете нам поподробней об этом месте? Это довольно необычная церковь.

Он развел руками, с недоумением оглядывая зал.

– Эти громадины вдоль стен... Кто, например, вон тот суровый господин с огромным топором? От одного его вида оторопь берет.

– Думаю, это Вотан, или Один, как хотите. А может быть, Тор. Честно говоря, не знаю. Здесь какая-то смесь германских культов и скандинавской мифологии, хотя, как видите, дело не ограничивается одной или даже дюжиной доктрин. По сути дела, это винегрет, который Гарнетт подает под собственным соусом. Статуи принесены в дар одной из прихожанок храма, очень богатой старой дамой.

– Старой дамой! – пробормотал Аллейн. – Надо же.

– Вид у них действительно угнетающий, – признал Касбек. – Может, перейдем в зал? Я бы с удовольствием присел.

– Разумеется, – кивнул Аллейн. – Фокс, прошу вас, набросайте план алтаря. Я скоро вернусь, и мы займемся остальными. Обведите контуры тела мелом и попросите кого-нибудь вызвать машину из морга. Басгейт, вы с нами?

Найджел и доктор Касбек проследовали за инспектором к первому ряду сидений, пышно обитых красным тисненым бархатом.

– Места для знати, – заметил Аллейн, опустившись на одно из них.

– Как видите, всего их семь. Шесть для адептов и один для Избранного сосуда. Отбор, очевидно, ведется среди самых достойных.

Касбек с удовольствием уселся на бархатный стул.

Это был невысокий крепкий мужчина лет пятидесяти пяти, довольно полный, коротко остриженный, с бледным лицом и маленькими умными глазами.

– Храм основал Гарнетт года два назад. В первый раз я услышал о нем от одной старой пациентки, которая живет неподалеку. Я навестил ее перед началом службы, и она пообещала, что как-нибудь сводит меня в церковь. С тех пор бываю здесь регулярно. Меня интересуют всякие странные места и – как бы это поточнее выразить – невероятные причуды человеческих верований. Доктрина театрализованного пантеизма, придуманная Гарнеттом, меня забавляет и интригует. Как, впрочем, и сам Гарнетт. Не имею ни малейшего понятия, где он нашел деньги, чтобы купить это место – раньше здесь был клуб неконформистов, – а тем более обставить его на новый лад. Может быть, собирал пожертвования. Огден – церковный староста или что-то в этом роде; надеюсь, он вам сам все расскажет. Как видите, дело поставлено на широкую ногу. Гарнетт у них единственный священник и отец-основатель в одном лице. Он явно практикует гипноз, что тоже очень любопытно. Та служба, которую вы сегодня видели, мистер Басгейт, проводится один раз в месяц и начинается новый цикл. Избранный сосуд – в данном случае, мисс Куэйн – должен был пройти ежемесячную подго-

товку, которая включает, насколько мне известно, подробный инструктаж и частную медитацию с Гарнеттом.

– Один и Фригг, – кивнул Аллейн. – Кажется, я начинаю понимать. Вы знакомы лично с кем-нибудь из посвященных?

– Огден представился мне несколько недель назад, а Гарнетт беседовал со мной в первый вечер. Наверное, искал новых почитателей.

– И это все?

– Да. Огден говорил, что мне нужно «познакомиться с людьми», но, – доктор улыбнулся, – я предпочитаю позицию наблюдателя и избегаю подобных вещей. Боюсь, больше ничего вам рассказать не смогу.

– Все это весьма познавательно и интересно. Спасибо, доктор Касбек. Не смею больше вас задерживать. Впрочем, возможно, доктор Кертис захочет перекинуться с вами парой слов. Я его сейчас пришлю. Разумеется, вы получите повестку в суд.

– Разумеется. Вы старший детектив Аллейн?

– Да.

– Я вас помню. Видел на суде над Теодором Робертсом.

– Вот как?

– Меня очень интересовало это дело. По профессии я психиатр.

– Вот как? – вежливо повторил Аллейн.

– Хорошо, что его признали невменяемым. Бедный Робертс, полиции не следовало настаивать на... на другом вердикте.

– Полиция всегда работает как машина. Боюсь, мне надо идти. Спокойной ночи. Басгейт, выпустите доктора Касбека, после того как он поговорит с Кертисом, хорошо?

Аллейн вернулся к алтарю. Окружной врач присоединился к Касбеку, и оба медика стали прохаживаться в проходе между стульями, о чем-то беседуя и наклонившись друг к другу с серьезным видом, как два школьника на городской олимпиаде. Найджел следовал за ними на почтительной дистанции. Время от времени до него доносилось слово «цианид». Наконец доктор Кертис кивнул Касбеку: «Да. Отлично. Спокойной ночи». Они обменялись рукопожатием. Найджел поспешил к двери и с трудом отодвинул тяжелый засов.

– Огромное спасибо, – поблагодарил доктор Касбек. – Сегодня вы оказали нам неоценимую помощь, мистер Басгейт.

– Честно говоря, я и сам этого не ожидал, сэр, – пробормотал Найджел. – Наверное, меня заставил запах.

– Да, конечно. Я как раз собирался попросить всех оставаться на местах, а тут заговорили вы. Благодарю за поддержку. А как мне теперь... о, все в порядке. Я вижу у двери констебля. Надеюсь, он меня выпустит. Спокойной ночи, мистер Басгейт.

Глава 5

Священник и два причетника

Констебль вернулся вместе с машиной из морга. Принесли носилки. Найджел старался держаться поближе к выходу, чтобы больше не смотреть на труп, но его с неумолимой силой тянуло обратно. Казалось, он присутствует на каком-то курьезном представлении. Аллейн включил все лампы, но они были слишком слабыми и давали красноватый тусклый свет. Факел потрескивал и мигал, неровно освещая сцену. Иногда он почти полностью угасал, иногда взрывался языками пламени, и фигуры у алтаря оживали и шевелились, хотя люди стояли неподвижно. Аллейн откинул край расшитой ткани и задумчиво разглядывал тело. Оно лежало в прежней позе, скорчившись так, словно его швырнули на пол с чудовищной силой. Доктор Кертис обронил несколько слов. В огромном зале его голос прозвучал глухо и уныло. Найджел уловил слова «трупное окоченение» и «быстро». Аллейн кивнул, и чудовищная тень, плясавшая на стене вместе с пламенем, гротескно повторила его жест. Два констебля нагнулись и положили труп на белые носилки. Кто-то вновь прикрыл его тканью. Доктор Кертис бросил полицейским несколько слов. Те подняли носилки и медленно двинулись по проходу, превращаясь по мере удаления от света в смутные силуэты. Грузно шагая, они обогнули Найджела и исчезли в проходе. У входа остался констебль, поэтому Найджел не стал снова запирать дверь. Он вернулся к алтарю.

– Я рад, что с этим покончено, – сказал он Аллейну.

– Что? А, вы о трупе.

– Похоже, вы заблудились в лабиринте собственных умозаключений, – съязвил Найджел. – И что нас ждет теперь?

– Дорогой Басгейт, вы выражаетесь, как Джордж Мур и Льюис Кэрролл вместе взятые. Я собираюсь допросить всех этих дам и джентльменов. И мне здесь совсем не нравится. Отвратительное место. Как вы сюда попали?

– Сам не знаю. Мне было скучно, и я увидел вывеску, качавшуюся под дождем... Наверное, захотелось острых ощущений.

– Учитывая вашу безнадежную наивность, вы вполне могли их получить. Фокс, у вас уже есть план?

– Нет, сэр, но я над этим работаю.

– Что ж, пока вы можете участвовать в допросе. Когда мы вызовем месье де Равиньи, у вас будет шанс попрактиковаться во французском.

Фокс слабо улыбнулся. Недавно он прошел курс французского на грампластинках и собирался продолжать обучение по радио.

– Боюсь, я не справлюсь с этой ролью, сэр, – возразил он, – но с удовольствием послушаю, как с ней справитесь вы.

– Боже, Фокс, вы хотите моего позора? Бэйли, отпечатки готовы?

– Работы невпроворот, – начал оправдываться криминалист.

– Тогда позовите первого свидетеля. Узнайте, кому не терпится поскорее отсюда уйти, – я допрошу их в первую очередь.

– Слушаюсь, сэр.

Бэйли с подчеркнуто безразличным видом вышел в алтарную дверь. Через минуту он вернулся.

– Там у джентльмена обморок, – буркнул он.

– Господи! – воскликнул Аллейн. – Кертис, посмотрите, что с ним, хорошо? У кого, Бэйли?

– У одного из тех парней в пурпурных рубашках. Темненького.

– Быть не может, – пробормотал Аллейн.

Доктор Кертис поцокал языком и быстро исчез из зала. Бэйли вернулся с отцом Гарнеттом.

– Очень сожалею, что пришлось вас задержать, сэр, – обратился к нему Аллейн, – но, думаю, вы понимаете – нам надо кое-что обсудить. Не хотите присесть в зале?

Гарнетт наклонил голову в знак согласия и первым спустился вниз. Он неторопливо присел на скамью, спрятав руки в длинных рукавах одежды. Фокс с невозмутимым видом пристроился неподалеку и, похоже, с головой ушел в изучение плана здания. Найджел, следуя взгляду Аллейна, присоединился к Фоксу и достал блокнот. В конце концов, стенограмма допросов никому не мешает. Отец Гарнетт даже не взглянул в их сторону. Аллейн пододвинул большой складной стул и сел на него спиной к трепещущему факелу. Полицейский и священник взглянули друг на друга.

– Это ужасно! – громко произнес отец Гарнетт. В его мелодичном голосе звучала беспредельная печаль. – Это чудовищно.

– Неприятное дельце, не правда ли? – заметил Аллейн.

– Я потрясен. До сих пор не понимаю, что произошло. Какая неведомая сила поразила эту благословенную душу в момент духовного экстаза?

– Цианистый калий, – холодно ответил Аллейн. – Впрочем, это предварительная информация.

Вышивка на широком рукаве священника слегка дрогнула.

– Но ведь это яд, – промолвил отец Гарнетт.

– Смертельный, – подтвердил Аллейн.

– Ужасно, – повторил священник.

– Само собой, мы рассматриваем версию самоубийства.

– Самоубийства!

– Хотя должен признать, это маловероятно. С другой стороны, версия с несчастным случаем выглядит еще более неправдоподобно.

– Вы хотите сказать, что она... что ее... что произошло убийство?

– Решать присяжным. Наше дело – провести расследование. А пока, мистер Гарнетт, я хотел бы задать вам пару вопросов. Наверное, не стоит напоминать, что отвечать вы не обязаны.

– Увы, я ничего не смыслю в таких вещах. Мое дело – исполнять свой долг.

– Рад слышать, сэр, – вежливо отозвался Аллейн. – Теперь что касается покойной. У меня есть ее имя и адрес, но этого мало. Вы знали ее лично, а не только, как говорится, по долгу службы?

– Все мои чада – мои друзья. А Кара Куэйн была одной из самых близких. Ее благородная душа, инспектор...

– Аллейн, сэр.

– Ее благородная душа, инспектор Аллейн, удивительно подходила для того необычайного духовного опыта, к которому я, по дарованной мне милости, служил скромным проводником.

– Ну да... Как долго она была вашей прихожанкой?

– Дайте подумать. Я хорошо помню тот вечер, когда мы впервые встретились. Меня сразу охватило ощущение жизненной силы, очень интенсивной и – как бы поточнее это выразить – очень восприимчивой. У нас есть свои термины для выражения таких эмоций.

– Не думаю, что у меня есть необходимость в них разбираться, – сухо заметил Аллейн. – Вы можете назвать дату ее первого появления в церкви?

– Несомненно. Это было в праздник Эгера. Пятнадцатого декабря прошлого года.

– И с тех пор она постоянно посещала ваши службы?

- Да. Мисс Куйэн достигла высшей ступени посвящения.
- Вы имеете в виду, что она стала Избранным сосудом?
- Отец Гарнетт бросил на инспектора испытующий взгляд:
- Так вы кое-что знаете о наших ритуалах, инспектор Аллейн?
- Боюсь, совсем немного.
- Видимо, вы тоже обладаете чрезвычайной восприимчивостью, не так ли?
- Скорее я просто ловлю факты, – ответил Аллейн, – как паук ловит мух.
- Понимаю. – Отец Гарнетт медленно кивнул. – Сейчас не время. Но когда-нибудь оно настанет, я уверен. Что ж, задавайте свои вопросы, инспектор.
- Полагаю, вы близко знали мисс Куэйн и часто с ней встречались – особенно во время подготовки к сегодняшней церемонии?
- Довольно часто.
- И в этом сегодняшнем обряде она носила имя Фригг?
- Верно, – нахмурившись, ответил отец Гарнетт.
- Жены Одина, если не ошибаюсь.
- Все взаимоотношения в наших ритуалах несут духовный смысл.
- Разумеется, – сказал Аллейн. – Вы не заметили, чтобы она была чем-нибудь расстроена или угнетена?
- Как раз напротив. Она пребывала в состоянии покоя и радости.
- Понятно. Никаких проблем с деньгами?
- С деньгами? Ну что вы. Мисс Куэйн обладала тем, что в мире называют богатством.
- А как это называете вы, сэр?
- Священник неожиданно рассмеялся – искренне и по-детски.
- Я тоже называю это богатством, инспектор, – ответил он весело.
- Может быть, неудачный любовный роман? – настаивал Аллейн.
- Отец Гарнетт немного помолчал. Потом с горечью заметил:
- Ах, инспектор, мы говорим на разных языках.
- Разве? Я не заметил, – возразил инспектор. – Тогда, может быть, переведете мой вопрос на свой язык? Или предпочитаете просто не отвечать?
- Вы меня неправильно поняли. Кару Куэйн не волновала земная любовь: она стояла на пороге любви небесной.
- И, кажется, переступила его.
- В ваших словах больше правды, чем вы сами думаете. Я искренне верю в то, что именно так и произошло.
- Значит, романа не было. – Аллейн сделал в блокноте пометку. – Она дружила с другими посвященными?
- Среди наших прихожан всегда царят гармония и любовь. Нет, я неправильно выразился... Посвященные просто принадлежат к другому миру, где все человеческие отношения растворяются в безразличии экстаза. Они не могут ненавидеть, потому что ненависти нет. Ненависть – это «майя», то есть попросту – иллюзия.
- А любовь?
- Если вы говорите о земной любви, она тоже иллюзорна.
- В таком случае, – заметил Аллейн, – если продолжить вашу мысль, поступки человека вообще не имеют никакого значения? Ведь они основаны на эмоциях, которые, по вашим словам, всего лишь иллюзия.
- Вот видите, – воскликнул отец Гарнетт, – я был прав! Когда-нибудь мы обязательно с вами побеседуем, мой друг.
- Вы слишком любезны, – ответил Аллейн. – Что имела в виду мисс Уэйд, сказав, что «такого не должно было случиться»?

– Мисс Уэйд так сказала?

– Да.

– Не знаю. Наверное, все эти события сильно повлияли на бедняжку.

– А что, по-вашему, подразумевала миссис Кэндур, заявив, что «должно было случиться что-то ужасное» и что она предупреждала об этом месье де Равиньи?

– Я этого не слышал, – ответил отец Гарнетт.

Вид у него был такой, словно и Аллейн, и миссис Кэндур допустили какую-то грубую бестактность.

– Еще один вопрос, мистер Гарнетт. Когда мисс Куэйн общалась с вами во время подготовки к церемонии, вы не заметили ничего такого, что могло бы пролить свет на это происшествие?

– Нет.

– Ваш храм впечатляет.

– Мы находим его очень красивым, – с гордостью ответил отец Гарнетт.

– Не считайте за дерзость, но я должен вас спросить: откуда вы берете деньги на все это великолепие? Собираете пожертвования?

– Прихожане считают своим долгом вносить вклад в благолепие Священного пламени.

– То есть они оплачивают текущие расходы?

– Да.

– Мисс Куэйн была щедрым спонсором?

– О да – благородная душа!

– Вы покупаете вино для церемонии?

– Покупаем.

– Будьте добры, назовите магазин и марку вина.

– Универмаг «Хэрродс». А название вина... Дайте припомнить... Кажется, «Ле конт инвэлид порт».

Аллейна слегка передернуло. Он сделал пометку в блокноте.

– Вы сами разливали вино? Я имею в виду, в серебряный кувшин?

– В данном случае – нет. Все приготовления делал Клод Уитли.

– Не могли бы вы поподробней описать, в чем заключались его обязанности?

– Конечно. Он должен был взять непечатую бутылку из шкафчика в моей комнате, откупорить вино и наполнить им сосуд. Затем приготовить чашу.

– Подготовить?

Лицо священника слегка изменилось. Оно стало высокомерным и упрямым.

– Да, нужны определенные приготовления, – ответил он важно.

– Вы имеете в виду пламя над чашей? Как вы это делаете? Метиловым спиртом?

– Да, в форме таблетки, – признался отец Гарнетт.

– Знаю, – понимающе кивнул Аллейн. – Женщины нагревают им щипцы для завивки.

– Возможно, – сухо согласился священник. – Чаша в нашем ритуале, инспектор Аллейн, предмет благословенный и священный. Когда в нее наливают вино, оно тоже становится священным. Наш обряд отчасти напоминает церемонии, принятые в некоторых христианских конфессиях, но имеет совершенно другое содержание и смысл.

– Я и не думал их путать, – холодно возразил Аллейн. – Наполнив сосуд, мистер Уитли должен был поставить его... Куда?

– В нишу, которая расположена в правой части алтаря.

– А что насчет спиртовой таблетки?

– Перед службой Клод подходит к алтарю и, трижды простершись перед факелом, снимает его с подставки. При этом он произносит молитвы на древнескандинавском. Потом он троекратно преклоняет колени, поднимается на ноги и... и...

– Бросает таблетку в чашу и ставит ее на место?

– Да.

– Ясно. По словам мистера Басгейта, пламя появилось после того, как вы взяли в руки чашу. Как это делается?

– Я использую... небольшой детонатор.

– В самом деле? Из чего он состоит?

– Кажется, из... диэтилцинка.

– Хм, вот как. Очень интересно. Наверное, в момент вспышки вам приходится на секунду отворачиваться?

– Совершенно верно.

– С этим все ясно. Последний вопрос. На территории храма хранятся какие-нибудь яды?

Лицо отца Гарнетта стало таким же белым, как его хламида, и он твердо сказал:

– Нет.

– Что ж, большое спасибо. Весьма признателен, что вы любезно согласились ответить на мои вопросы. Вас не затруднит, если я попрошу вас задержаться еще на некоторое время и подождать?.. У вас ведь есть ризница? Так вот, прошу подождать в ризнице, пока я побеседую с остальными. А вы пока сможете переодеться во что-нибудь менее торжественное.

– Я использую это время, чтобы предаться медитации и восстановить внутреннее равновесие и духовную гармонию.

– Прекрасная идея, – одобрил Аллейн.

– Между тем мое подсознание, неся в себе зачаток слова, проложит путь в ваши глубины. Ибо я смиренно сознаю, что могу помочь вам в ваших поисках. На свете есть много вещей, инспектор Аллейн, которые...

– Знаю, – поспешно перебил инспектор. – Вы не против, если вас обыщут?

– Обыщут? О... я... нет. Конечно, нет.

– Спасибо. Чистая формальность. Я кого-нибудь к вам пришлю.

Отец Гарнетт удалился в ризницу в сопровождении человека в штатском.

– Чушь, вранье, фальшивка, бред! – выпалил Аллейн, как только он ушел. – Фокс, что вы думаете об этом джентльмене?

– Мне очень интересно, сэр, – вежливо ответил Фокс, – понимает ли он сам, о чем говорит?

– Отлично сказано, дружище Фокс, отлично сказано. Басгейт, как вы там?

– В порядке, – отозвался Найджел.

– Наслаждаетесь представлением?

– Делаю стенографические записи. Ведь у вас, кажется, всегда была страсть к стенографии?

– Воистину, Господь! Вы читали «Старину Адама»?

– Да.

– Жаль, что Гарнетт не читал. Фокс!

– Сэр?

– Отправьте кого-нибудь в ризницу к мистеру Гарнетту для обыска. А потом обыщите всех остальных. Где тюремная надзирательница?

– Ждет в галерее.

– Она может заняться дамами. Нужно искать скомканную бумажку или что-то такое, в чем можно держать порох. Хотя вряд ли они ее найдут... Бэйли!

Сержант Бейли подошел к инспектору.

– Сэр?

– Позовите следующего.

Бейли исчез за маленькой дверью и вернулся с Клодом Уитли. Вид у сержанта был такой, словно при раздаче подарков ему достался худший. Фокс между тем привел еще одного человека в штатском и отправил его в ризницу.

– Этот джентльмен неважно себя чувствует, сэр. Просится домой, – пояснил сержант Бэйли.

– Да, да! – воскликнул Клод. – Пожалуйста. Прошу вас!

– Мне очень жаль, что вы так расстроены, мистер Уитли, – произнес Аллейн.

– Расстроен? Я едва живой, инспектор. Мне ужасно плохо. Можно, я сяду?

– Пожалуйста.

Клод рухнул на одно из мест для посвященных и выпучил глаза.

– Я просто с ума схожу, – простонал он.

– Что вас так напугало?

– Эта ужасная старуха. Она говорит чудовищные вещи. Все старухи ужасны.

– Кого вы имеете в виду?

– Ту старую даму, Кэндур.

– И что она сказала?

– Не помню. Я в шоке.

Из комнаты Гарнетта выглянул доктор Кертис.

– Мистер Уитли немного нервничал, – объяснил он весело, – но сейчас с ним все в порядке. Я дал ему глотнуть превосходного бренди. Отец Гарнетт знает толк в спиртном.

– Превосходно, – отозвался Аллейн. – А теперь будьте добры, вернитесь обратно, Кертис. Возможно, кому-то понадобится ваша помощь.

– Есть.

Доктор переглянулся с Аллейном и исчез за дверью.

– Итак, мистер Уитли, – начал Аллейн, – похоже, вам стало легче. Я должен задать несколько вопросов. Можете на них не отвечать, если у вас есть на то причины.

– Ага, как же! Я не стану отвечать, а вы меня в чем-то заподозрите.

– Все может быть.

– Видите!

– Выбор, не из легких, – признал инспектор.

– Ладно, спрашивайте, – капризно протянул Клод. – Я хоть послушаю, что это за вопросы.

– Первый я уже задал. Что вам сказала миссис Кэндур?

Клод поерзал на месте.

– Старая ведьма. Она ревнует к каждому, на кого отец Гарнетт обращает хоть какое-то внимание. И всех поливает грязью, особенно меня и Лайонела. Какого черта! Все и так знают. Я не такой дурак, чтобы...

Клод прикусил язык.

– Чтобы что, мистер Уитли?

– Чтобы сделать что-нибудь *такое*, даже если бы хотел. И потом, мне всегда нравилась Кара Куэйн. Она была приятная женщина и очень симпатичная.

– Вы не такой дурак, чтобы сделать что? – терпеливо повторил Аллейн.

– Чтобы... Чтобы подлить что-нибудь в вино. Все знают: была моя очередь делать приготовления.

– То есть вы налили вино в серебряный кувшин и положили в чашу спиртовую таблетку. А что предполагает миссис Кэндур?

– Ничего она не предполагает. Просто говорит, что я это сделал. Твердит без конца. Старая стерва!

– Не стоит так волноваться. Мистер Уитли, а теперь подумайте как следует: разливая вино, не заметили вы какого-нибудь странного и необычного запаха?

– Странного запаха? – Глаза Клода стали еще шире. – Странного запаха!

– Да, какого-нибудь запаха.

– Само собой, я зажег все кадилаы. У нас чудесные благовония, инспектор, вы не согласны? Отец Гарнетт получает их из Индии. Там цветки сладкого миндаля. И лампадное масло. Мы сжигаем его перед алтарем. Перед тем как взять вино, я раскурил фимиам. Аромат был божественный.

– Понятно. Вы взяли вино в комнате мистера Гарнетта. Бутылка была запечатана?

– Да, я сам вытащил пробку.

– И вы больше ничего не наливали в кувшин?

Клод в замешательстве умолк.

– Я... Я не подмешивал яд, если вы это имеете в виду.

– Так что еще вы туда добавили?

– Ну... раз если вы спрашиваете... Я подлил жидкость из бутылочки отца Гарнетта. Она имеет ритуальное значение. Мы так всегда делаем.

– Вы знаете, что в ней?

– Нет.

– Где хранится бутылка?

– В маленьком шкафчике у отца Гарнетта.

– Ясно. Во время церемонии вы по очереди давали вино каждому из посвященных. Вам не показалось, что в какой-то момент у чаши появился необычный запах?

– Я не притрагивался к чаше, инспектор. Даже пальцем не коснулся. Они сами передавали ее из рук в руки. И никакого особенного запаха не чувствовал. Только благовоние.

– Ладно. Вы заметили, что произошло с мисс Куэйн, когда она выпила вино из чаши?

– Заметил ли я? Господи, конечно.

– И что случилось?

– Что-то кошмарное. Я сначала думал, что она находится в экстазе. То есть она и правда находилась – пока не взяла чашу. Говорила странные вещи и все такое. Но потом она выпила, и тут... Боже, это было ужасно. Она будто бы ахнула... Знаете, был такой глубокий вдох, со свистом. Потом скорчила жуткую гримасу, немного повернулась и уронила чашу. И глаза у нее стали как у куклы. Плоские такие, блестящие. А потом ее всю перевернуло, она дернулась и... Ох... В общем, дернулась и шлепнулась на пол. Господи, я сейчас умру.

– Не умрете, – заверил Аллейн. – Вы пойдете домой. Но сначала вам надо заглянуть в ризницу и переодеться.

– А где Лайонел?

– Он присоединится к вам через минуту. Всего доброго.

– О-ох. – Клод устремил на Аллейна страдальческий взгляд. – Какой вы чудесный человек, инспектор. Если бы не вы, мне бы стало совсем плохо. До свидания.

– Спокойной ночи.

Клод под присмотром констебля засеменил в ризницу, откуда вскоре послышался его жалобный писк: полиция приступила к обыску.

– О-ох, – вдруг протянул инспектор Фокс тоненьким голосом. – Господи, я сейчас умру!

– Очень похоже, – усмехнулся Найджел.

– До чего гадкий, безмозглый и тошнотворный малец.

– Ужасно, правда? – рассеянно поддакнул Аллейн. – Черт бы побрал этот фимиам, – добавил он с досадой. – Сладкий миндаль, как раз то, что... – Он замолчал и задумчиво взглянул на Фокса. – Послушаем Лайонела.

Привели Лайонела. Он вел себя так, словно был точной копией Клода, и не сообщил ничего такого, что могло бы прояснить обстоятельства дела. Его тоже отправили в ризницу, откуда он вскоре появился вместе с Клодом: один – в сизо-голубом, другой – в розовато-коричневом костюме. Оба быстро юркнули в проход и исчезли за дверью. Аллейн послал за миссис Кэндур.

Глава 6

Миссис Кэндур и мистер Огден

Миссис Кэндур долго плакала и размазывала по щекам косметику. Потом она вытерла слезы и попыталась спасти макияж. Ее лицо превратилось в кашу из румян, теней и туши для ресниц. Они крупными хлопьями свисали с кожи. Вид у нее был одновременно испуганный, недоуменный и воинственный. Ее руки дрожали. Несмотря на солидную фигуру, она выглядела совершенно беспомощной. Когда Аллейн предложил ей сесть, миссис Кэндур сморщила тонкие губы, что-то невнятно прошептала и зашагала к ним неуверенной походкой, словно боясь свалиться со своих французских каблуков. От нее за версту несло духами с запахом фиалки. Подождав, когда она как следует усядется, Аллейн, как и всегда, сказал, что она не обязана отвечать на его вопросы. Он сделал паузу, но женщина не ответила – просто сидела и смотрела перед собой тусклым взглядом.

– Значит, возражений у вас нет... Скажите, мисс Кара Куэйн была вашей подругой?

– Я бы так не сказала.

– Просто приятельницей?

– Да. Мы... Мы встречались только здесь. – Она говорила тихим голосом с легкой хрипотцой. – Правда, я навещала ее пару раз.

– У вас есть какие-то мысли насчет произошедшего?

– О боже! – простонала миссис Кэндур. – Я знаю, это была расплата.

– Расплата?

Миссис Кэндур достала из-за корсажа кружевной платок.

– А что такого сделала мисс Куэйн, – спросил Аллейн, – чтобы заслужить столь ужасное наказание?

– Она возжаждала славы Одина!

– Боюсь, я плохо понимаю, что вы имеете в виду.

– Я в этом убеждена, – добавила мисс Кэндур таким тоном, словно речь шла о простых и всем понятных вещах. – Отец Гарнетт стоит выше всего этого. Этот человек не от мира сего. Он сам нам часто об этом говорил. Но Кара была очень страстной женщиной. – Миссис Кэндур понизила голос и добавила вкрадчивым шепотком: – Кара страдала гиперсексуальностью. Прошу прощения.

– Вот как, – сказал Аллейн.

– Да. Конечно, я знаю, что экстатический союз благословен, но одно дело экстатический союз, а другое...

Миссис Кэндур испуганно запнулась и прикусила язык.

– Вы хотите сказать... – начал Аллейн.

– Я не имела в виду ничего конкретного, – поторопилась добавить миссис Кэндур. – Прошу вас, не придавайте моим словам никакого значения. Это всё мои фантазии. Я ужасно расстроена... Бедная Кара. Бедная, бедная Кара!

– Мистер Клод Уитли сказал...

– Не слушайте, что говорит вам эта маленькая дрянь, мистер... э... инспектор...

– Инспектор Аллейн, мадам.

– Да... инспектор Аллейн. Этот Клод – та еще свинья. Вечно сует нос в чужие дела. Я жаловалась отцу Гарнетту, но он слишком добр, чтобы замечать такие вещи.

– Насколько я понял, мистера Уитли очень расстроили ваши предположения насчет его участия в подготовке к службе.

– Ну а кто в этом виноват? Он и сам без конца твердил: убийство, убийство, потому что Кара – такая милая женщина, и все к ней ревновали. Вот и я спросила: «Хорошо, если

это убийство, то кто готовил чашу и кувшин?» Тут он возьми и хлопнись в обморок. Помоему, все это очень подозрительно.

– Кажется, мисс Куэйн была очень хороша собой? – небрежно спросил Аллейн.

– Я этого не нахожу. Только если вам нравится такой тип. Но все эти разговоры были только потому, что месье де Равиньи влюбился в нее по уши: вы же знаете этих иностранцев. Им только подмигни, они и рады. А кто вам это сказал? Клод? Или отец Гарнетт? Неужели отец Гарнетт?

– Честно говоря, не помню, – ответил Аллейн.

Миссис Кэндур вздернула подбородок. На секунду ее лицо стало почти пугающим.

– Ну, теперь-то она точно не красавица, – произнесла она тихо.

Аллейн отвернулся.

– Я вас надолго не задержу, – сказал он. – Остался всего один вопрос. Вы были первой, кто принял чашу из рук мистера Гарнетта. Вам не показалось, что от нее как-то странно пахло?

– Не знаю. Не помню. Нет, не думаю.

– Ясно. Спасибо. На этом все.

– Я могу идти домой?

– Да. В вестибюле ждет надзирательница. Вы не будете против, если вас обыщут?

– Обыщут!

– Стандартный осмотр. Обычная процедура.

– О, в таком случае... Если это необходимо...

– Спасибо. Позже вам пришлют повестку в суд.

– В суд! Какой ужас! Нет, я этого не вынесу, я... Я так восприимчива! Инспектор Аллейн, вы невероятно добры. А я-то думала, что все полицейские – грубияны.

Она смотрела на него с видом слабой и беспомощной женщины, хотя взгляд ее оставался внимательным и цепким. Выглядело это довольно жутко. Миссис Кэндур протянула ему руку:

– До свидания, инспектор Аллейн.

– Всего доброго, мадам.

Она заковыляла прочь на высоких каблуках.

– М-да, неприятное дельце, – процедил сквозь зубы Найджел.

– Особенно если учесть, что это убийство, – сдержанно напомнил Фокс.

– «Гнуснее всех и всех бесчеловечней», – процитировал Аллейн. – Впрочем, я с вами согласен, Басгейт. Бэйли!

– Я! – выкрикнул криминалист, внезапно появившись из-за кафедры.

– Позовите следующего, пожалуйста.

– Есть, сэр.

– А что вы думаете о миссис Кэндур? – обратился Аллейн к Басгейту.

– Злобная старая дева! – выпалил Найджел.

– Пожалуй, вы правы. Типичный случай. Все признаки налицо. Но ее ревность представляет интерес... Вы согласны, Фокс?

– Вполне, – кивнул Фокс. – Отец Гарнетт – весьма импозантный священник.

– В точку.

– Когда она сказала, что Кара больше не красавица, – продолжал Найджел, – мне показалось, что перед нами воплощение зла. Ненависть в чистом виде. Странно, что вы позволили ей уйти. Я бы сразу надел на нее наручники.

– Не перегибайте палку, – рассеянно возразил Аллейн.

– Иду, уже иду! – раздался издали голос мистера Огдена. – Ну, и где ваш шеф?

Он вошел в алтарь вместе с Бэйли и, увидев Аллейна, стремительно зашагал к нему.

– Так-так! – прогудел мистер Огден. – Вот кто к нам пожаловал!

– Как видите, – отозвался Аллейн. – Зрелище довольно скучное, не правда ли? Скромные труженики закона и порядка.

– А что случилось, инспектор? У вас такой вид, словно вам осточертел весь белый свет.

– Неужели, мистер Огден?

– Да, и очень жаль, потому что я-то собирался поближе познакомиться с местным криминальным сыском.

– Значит, вы больше не будете говорить, как хороша наша полиция?

– Нет, почему же? Я этого не сказал.

– Кстати, не возражаете, если я задам вам несколько скучных вопросов, мистер Огден? Как говорится, работа есть работа.

– Валяйте. Ух ты! – добавил мистер Огден, с удовольствием разглядывая Аллейна. – Должен признать, видок у вас что надо. Этакий британский стиль, когда даже дыры латают дорогим сукном. А элегантные манеры – прямо как в старом детективе. Просто глазам не верю.

Найджел, сидевший рядом с Фоксом, не удержался от смешка. Аллейн заметил это и сдвинул брови.

– Что ж, весьма исчерпывающее описание, – буркнул он и поспешил перейти к делу.

Он расспросил Огдена про странный запах и получил стандартный ответ: аромат благовоний был так силен, что перебивал все остальное.

– Впрочем, теперь, когда вы спросили, – задумчиво протянул мистер Огден, – я припоминаю, что сегодня вечером запах показался мне слишком крепким. Я еще подумал, что эта парочка олухов здорово переборщила с дозой.

– Не помните, в какой именно момент вам пришла в голову эта мысль?

Крупное лицо мистера Огдена налилось краской. Аллейн в первый раз заметил, что он колеблется.

– Мистер Огден?

– Просите, инспектор, но я не помню. Честное слово.

– Мисс Дженкинс стояла следом за вами?

– Да, – безучастно ответил мистер Огден.

– Понятно. Сэр, я хочу сказать вам одну вещь. Вы ведь бизнесмен, не так ли?

– Именно так.

– Замечательно. Я понятия не имею, что привело вас в это общество, и не собираюсь задавать неудобных вопросов, но мне нужен разумный человек, который может трезво взглянуть на всю эту ситуацию. Здравомыслящий и практичный.

– Взгляд изнутри, – кивнул мистер Огден.

– Верно.

– Спрашивайте. Может быть, я отвечу. Может, нет. Может, я ничего не знаю.

– Кажется, вы занимаете в храме высокий пост?

– Да, я церковный староста.

– Наверное, вы хорошо знакомы с прихожанами?

– Еще бы. Мы все держимся друг за друга. Поддержка – прежде всего. Правда, вначале мне пришлось здорово попотеть, чтобы растопить лед. Британцы ведь всегда немного замороженные. На первых собраниях все сидели молча, словно кол проглотили. Но теперь мы дружная семья.

– Вы принимали участие в создании общества?

– Ну да... Это было сто лет назад. Я познакомился с отцом Гарнеттом, когда ездил по Британии. Работа у меня такая – много ездить. В тот раз, помнится, я попал в золото-промышленную компанию в Брайтуотер-Крик. Подарил отцу Гарнетту маленький золотой

слиток, в качестве сувенира. Это было в мае, два года назад. И знаете, отец Гарнетт тогда произвел на меня огромное впечатление.

– Еще бы, – кивнул Аллейн.

– Да, сэр. Видите ли, я в жизни всего добился сам. Родился чуть ли не в трущобах, воспитания у меня ноль, но к культуре питаю большое уважение. Люблю, чтобы ее подавали широко и с размахом – как отец Гарнетт. Когда мы добрались до Саутгемптона, у нас возникла идея насчет этой церкви, а всего через полгода в ней было уже триста прихожан.

– Подумать только, – сказал Аллейн.

– Да, потрясающе.

– А где вы взяли деньги?

– У прихожан, конечно. Отец Гарнетт снял небольшой зал на Грейт-Холланд-роуд. По сравнению с этим храмом – жалкая халупа, но мы превратили ее в золотую жилу. Отец Гарнетт служил каждый вечер. Он там дневал и ночевал. Через месяц у нас уже был свой интеллектуальный кружок. Всего два-три человека, но они привели остальных. Люди, кстати, очень влиятельные. Короче, когда собралось достаточно последователей, отец Гарнетт объявил сбор средств и толкнул зажигательную речь. Все рыдали. Я сам дал пять штук и ничуть этого не стыжусь.

– А кто еще делал пожертвования?

– Кто? Ну, Дагмар Кэндур отхватила себе плюшевое кресло за тысячу фунтов, и бедняжка Кара дала примерно столько же. Обе дамы взяли на себя главные расходы. Потом был еще месье де Равиньи и... и прочие адепты. Долго всех перечислять.

– Мисс Куэйн была богата?

– Дьявольски богата, и притом добрейшая душа. Представьте: только в последний месяц она положила в наш сейф – тот, что за алтарем, – ценные бумаги на пять тысяч фунтов! Они и сейчас там лежат, пока мы не соберем еще столько же и не начнем строить новую церковь. Вот такая щедрость.

Найджел на секунду оторвался от своих записей, чтобы посмотреть на восторженного мистера Огдена и поразмыслить о том, до чего легкомысленны и доверчивы бывают люди. Никого из них нельзя было назвать глупым и наивным, кроме разве что миссис Кэндур. Мисс Куэйн выглядела интересной женщиной. Мистер Огден производил впечатление опытного бизнесмена. Джейми Дженкинс, Морис Прингл, месье де Равиньи – все они нисколько не походили на болванов. (Про мисс Уэйд он начисто забыл.) И вот на тебе: отец Гарнетт одурачил их так, что они добровольно отдали ему свои деньги. Невероятно! Потом Найджел вспомнил, как на него самого подействовала недавняя проповедь священника, и его пыл немного унялся.

– Вот такая щедрость, – повторил мистер Огден.

– Каковы были отношения между покойной и месье де Равиньи?

– Он втрескался в нее по уши, – лаконично ответил бизнесмен.

– А я думал, адепты выше земной любви, – заметил Аллейн.

– Наверное, месье де Равиньи еще не полностью освободился от оков плоти, – строго возразил мистер Огден. – Но заметьте, сэр: Кару это не интересовало. Нисколько. Ее душа жаждала только тайных глубин духа.

– Вы слышали, о чем говорили мистер Прингл и миссис Кэндур сразу после трагедии?

Мистер Огден замялся:

– Не то чтобы...

Аллейн сверился с блокнотом и вслух прочитал то, что рассказал ему Найджел.

– Мистер Прингл заявил: «Мы устраивали фарс». Потом упомянул про возмездие. Затем обратился к миссис Кэндур: «Вы бы сами хотели оказаться на ее месте». Что все это значит, мистер Огден?

– Понятия не имею, – ответил бизнесмен с встревоженным видом. – Честное слово, шеф. Возможно, между дамами было какое-то соперничество по поводу... э-э... духовных привилегий. И, возможно, мистер Прингл решил, что миссис Кэндур сама хотела бы стать Избранным сосудом.

– Понятно.

– Не придавайте этому особого значения. Все были слишком ошарашены. Я и сам как комок нервов. Вот черт! – воскликнул он с досадой. – Смертельно хочется курить.

– Мне тоже, – признался Аллейн. – Все отдал бы за хорошую трубку. Но, боюсь, мне сегодня уже ничего не светит, зато вы, мистер Огден, можете быть свободны.

Бизнесмен уставился на него с изумлением.

– Ну и ну! – присвистнул он. – Вот так сюрприз. Хотите сказать, что эту ночь я проведу не за решеткой?

– Надеюсь, и следующие тоже. До начала суда вы нам больше не понадобится, если только не вспомните что-нибудь такое, о чем нам следует знать. Разумеется, если у вас есть какая-то своя версия, я буду очень рад...

– Будь я проклят! – прогремел мистер Огден. – Скажите мне вот что. У вас в Скотленд-Ярде все такие? – Он покосился на Фокса и понизил голос до пронзительного шепота: – На вид парень как парень. Но если я с ним заговорю, он, наверное, превратится в живой справочник хорошего тона. Ведь так?

– А вы познакомьтесь с инспектором и решите сами, – предложил Аллейн. – Фокс!

Фокс неторопливо встал и с серьезным видом направился к начальнику.

– Мистер Огден находит наши методы немного скучноватыми.

– В самом деле, сэр?

– Да. У вас есть какие-нибудь свежие идеи? Может быть, зададите мистеру Огдену парочку вопросов? Только что-нибудь позажигательней.

– Даже не знаю, сэр. Разве что... – Он помедлил и взглянул на Аллейна. – Может быть, мистер Огден расскажет нам о... содержимом чаши?

– Расскажите, мистер Огден?

– Без проблем. Обычное пойло из универмага. «Инвалид порт». Полградуса алкоголя. Хотя...

– Да?

– Раз уж вы спросили, я думаю, отец Гарнетт добавляет туда кое-что покрепче. Скорее всего, бренди. Точно не знаю.

– Слышали, Фокс? Есть еще вопросы?

– Вряд ли, сэр, – улыбнулся Фокс. – Джентльмен не будет против, если его обыщут?

– Вы не возражаете, если мы вас обыщем, мистер Огден? Это довольно быстрая процедура.

– Будь я проклят! – воскликнул бизнесмен.

Мистер Огден перевел взгляд с Аллейна на Фокса. Потом поднял глаза к небу, провел ладонью по макушке и расхохотался.

– Господи, да пожалуйста! – гаркнул он. – Валяйте. Не возражаю ли я!

– Подержите, Фокс, – попросил Аллейн.

Фокс взял блокнот, а Аллейн повернулся к мистеру Огдену и с ловкостью уличного воришки проверил содержимое его карманов.

– Бумажник. Пятифунтовая банкнота и три шиллинга. Книжка карманного формата. Письмо. Напечатано на пишущей машинке, с почтовой маркой и печатью. Адрес: «Гектор К. Мэнвилль, компания «Огден – Шульц: добыча и переработка золота», дом восемьдесят один, Сорок пятая Восточная улица, Бостон, штат Массачусетс». Письмо посвящено новым способам аффинажа. Много технических терминов.

Фокс погрузился в чтение письма.

– Счет от «Хэрродс» на десять фунтов. Оплачен по предъявлению. Дата: второе ноября этого года. Письмо, начинающееся со слов «Дорогой Сэм» и подписанное «Гек». Дата...

Аллейн продолжал обыск, бормоча себе под нос. Наконец все закончилось, и мистер Огден, посмеиваясь, опустил руки.

– Пузырька с ядом нет, – небрежно заключил Аллейн. – Вы свободны, сэр.

– Хорошая работа, – одобрил мистер Огден. – Даже в Штатах меня бы не обыскали лучше. А это о многом говорит. Ладно, инспектор, если вы закончили, я, пожалуй, пойду. А то получается как-то нехорошо: я тут балагурю, а Кара Куэйн лежит там... как правильно сказать: убитая?

– Это решит суд, мистер Огден.

Открытое лицо американца вдруг стало преувеличенно серьезным, как у клоуна или ребенка, которого наказали за баловство.

– Если это убийство, – произнес он тихо, – и если возникнут проблемы с его расследованием... Имейте в виду, шеф: у меня есть доллары, и я пока еще не парализован.

С этим загадочным замечанием мистер Огден удалился.

– Скажите, реальный ли это человек? – спросил Найджел. – Или убийца с замашками провинциального актера? В нем больше американского, чем в любом американце. Он...

– Хватит громких восклицаний, Басгейт. Вы громыхаете, как хор журналистов из греческой трагедии. Фокс, что хотел сказать джентльмен своей последней фразой? Насчет того, что он не парализован?

– Судя по всему, он предлагал крупную сумму денег полиции и прокуратуре, сэр.

– Завуалированный подкуп, – вставил Найджел. – Говорю вам, ни один американец...

– Не знаю, не знаю. Глаза у него, по крайней мере, настоящие. Люди обычно соответствуют своему типу. Это аксиома полицейского сыска. Позовите следующего, Бэйли.

Следующей была Джейни Дженкинс.

Глава 7

Джейни и Морис

Мисс Дженкинс точно соответствовала своему имени. Невысокая, плотная, с прямыми волосами, аккуратной прической, блестящими черными глазами, вздернутым носиком и «удивленным» ртом – именно такой представляется всякая Джейни, стоит только услышать это имя. Не отличаясь особенной красотой, она все же выглядела привлекательной. Ей было не больше двадцати двух. Мисс Дженкинс энергично подошла к Аллейну, спокойно села на стул и произнесла:

– Давайте с этим покончим, инспектор, и побыстрее. Я отвечу на любые вопросы, даже самые компрометирующие, лишь бы все скорей закончилось.

– «Благодарю богов любых», – весело продекламировал Аллейн. – В таком месте это звучит особенно уместно, не правда ли?

– О да, они щедро осыпают нас своими дарами, – подтвердила мисс Джейни.

– Прошу прощения. Я не хотел вас обидеть.

– Вы и не обидели. Я не дура. Честно говоря, все это – довольно сомнительное шоу.

– Хм, не ожидал услышать такого от посвященной.

– Неужели? Признаюсь, мне не хватает благочестия. Увы, я собираюсь отречься от веры, инспектор Аллейн. И не из-за этой ужасной истории, хотя... Хотя она выставила нас в очень неприглядном виде. – Девушка немного помолчала, наморщив лоб. – Наверное, вам все это кажется жуткой чепухой, но... в этом что-то есть. По крайней мере, так мне казалось раньше.

– В студенческие годы я несколько месяцев состоял в Плимутском братстве. Тогда мне это казалось очень важным. Кажется, потом они ударились в черную магию.

– Точно. Морис тоже ходил к ним во время учебы. Теперь перешел сюда.

– Вы имеете в виду мистера Прингла?

– Да.

– Это он привел вас в храм?

– Ловко вы, – сказала Джейни. – Да, он.

– Когда это произошло?

– Примерно полгода назад.

– Значит, вы сделали быструю карьеру.

– Сегодня вечером я в первый раз была на службе в качестве адепта. Морис стал им намного раньше... Через неделю я должна пройти специальное посвящение.

– Но вы не станете его проходить?

– Нет, – ответила Джейни.

– Можете сказать почему?

– Боюсь, что не могу. – Она задумчиво взглянула на Аллейна. – Ладно, скажу. У меня появились сомнения. По правде говоря, уже давно.

– Тогда зачем?..

– Это нужно не мне, а Морису. Мы с ним помолвлены. А он только об этом и говорит. И потом, Морис слишком восприимчив и чувствителен... Я бы даже сказала – уязвим... И...

– И вы ходите в эту церковь, чтобы за ним присматривать, так?

– Да. Не знаю, зачем я вам это говорю.

– Не беспокойтесь, вам это не повредит. Как вы думаете, мисс Дженкинс, почему мистер Прингл говорил, что мистер Гарнетт затыкает всем рты? И что миссис Кэндур хотела бы оказаться на месте мисс Куэйн. И что он сам намерен всем о чем-то рассказать?

– Откуда вам известно, что Морис все это говорил?

– Наверное, вы помните, что я появился как раз в тот момент, когда мистер Прингл во всеуслышание высказывал недовольство. Увидев меня, он оборвал себя на полуслове. В общем, что-то я слышал сам, что-то рассказал мистер Басгейт. Так что он имел в виду?

– Простите, но я вам не отвечу.

– Нет? Почему?

– Не хочу ворошить грязное белье. Все это не имеет никакого отношения к тому, что случилось. Я в этом уверена.

– Напрасно. Выслушайте меня, пожалуйста. Мистер Басгейт готов подтвердить под присягой, что мисс Куэйн ничего не добавляла в чашу. Она взяла ее за ножку обеими руками и выпила до дна, не меняя позы. И две минуты спустя умерла. До этого чаша шла по кругу между посвященными. Больше ее никто не касался, кроме мистера Гарнетта и одного из слуг. Неужели вы не понимаете, как важны в такой ситуации взаимоотношения между этими людьми? И неужели не согласны с тем, что я должен знать о них как можно больше? Я не уговариваю вас поступить против совести: это далеко выходит за рамки моих полномочий. Но я прошу вас, мисс Дженкинс, не говорите мне: «Это никак не связано с делом». Никто не знает, что с ним связано, а что нет. Есть только один человек, который может дать ответ.

– Вы хотите сказать – преступник?

– Да. Если он существует.

Наступило долгое молчание.

– Хорошо, я расскажу, – заговорила наконец Джейни. – Морис боготворил отца Гарнетта. Буквально обожал его, как сказал мистер Огден. Думаю, отец Гарнетт полностью захватил его воображение. Морис вообще очень подвержен внушению со стороны.

– Понимаю.

– Я и сама чувствовала то же самое. Когда он произносит проповедь, происходит нечто необыкновенное. Кажется, что тебе открывается новая истина. Все становится таким стройным и понятным.

– Чувство абсолютной ясности, – пробормотал Аллейн. – Его испытывают курильщики опиума.

Джейни вспыхнула.

– Вы хотите сказать, что он одурманивает нас словами? Я с этим не согласна. О чем мы говорили? Ах, да. В последнее время Морис начал подозревать, что за кулисами этого общества происходит что-то неприглядное. Он возвел образ отца Гарнетта на недостижимую высоту, и малейшей намек на... на суетность казался ему недопустимым. Между тем кое-кто из прихожанок – я говорю про миссис Кэндур и бедняжку Кару – впали в явное нечестие. Морис пытался как-то на это повлиять. Он был очень возмущен... Вот что он имел в виду, говоря про миссис Кэндур.

– То есть он хотел сказать, что миссис Кэндур ревновала к мисс Куэйн, а мистер Гарнетт это замалчивал?

– Да.

– Ясно.

– Но это не значит, что миссис Кэндур ревновала настолько, что... Нет, пожалуйста, не подумайте ничего такого. Все это глупости. Морис просто закатил истерику. Он все преувеличивает. Вы мне верите? Правда верите?

– Пока рано об этом говорить, – покачал головой Аллейн. – Боюсь, вы многого не учитываете.

– Ничего подобного! Господи, зачем я вам рассказывала! Я не скажу больше ни слова. Отпустите меня.

Голос Джейни задрожал. Ее глаза расширились, она вскочила с места, стиснув руки и тяжело дыша.

– Я вас не задерживаю, мисс Дженкинс, – спокойно ответил Аллейн. – После всего пережитого неудивительно, что у вас сдали нервы. Поверьте, вам незачем сожалеть о рассказанном. Даже наоборот. Люди плохо понимают, что в таких ситуациях помогать полиции – это их моральный долг и что, скрывая информацию, они могут нанести непоправимый вред множеству невинных граждан. Впрочем, это неуместный пафос, еще чуть-чуть – и начну нести полную околесицу... Берегите себя, мисс Дженкинс, и бегите домой.

Джейни выдавила из себя улыбку и провела рукой по лбу.

– О боже, – выдохнула она.

– Вы устали, – торопливо добавил Аллейн. – Басгейт, сбегайте на улицу и поймайте такси для мисс Дженкинс.

– Я лучше подожду Мориса.

– Уверены? Может, хотите выпить немного бренди мистера Гарнетта?

– Нет, спасибо. Я просто посижу где-нибудь в заднем ряду.

– Как угодно. Но сначала, если вы не против, вас обыщет наша надзирательница. Вас уже обыскивали раньше?

– Никогда. Это ужасно, но, наверное, у меня нет выбора.

– Боюсь, что нет. Инспектор Фокс вас проводит. А я пока побеседую с вашим молодым человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.